

и общественно-политический журнал
"ДРУЖБА НАРОДОВ" № 10
М. 1974 г.

Орган Союза писателей
Изд-во «Известия Советов друж-
таль трудящихся ССР»

Н. К. РЕРИХ

АЛТАЙ—ГИМАЛАИ

Отрывки из книги

Как большой праздник культуры отмечает все прогрессивное человечество столетие со дня рождения нашего соотечественника, замечательного художника-гуманиста, писателя и ученого Николая Константиновича Рериха.

Широко известен его выдающийся вклад в сокровищницу мировой культуры. Его творчество принадлежит всему человечеству. Великого русского художника высоко ценили многие крупнейшие деятели мировой культуры: Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор и другие.

«Когда я думаю о Николае Рерихе,— писал Джавахарлал Неру,— я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и путешественник, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие изображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах».

Долгая и самоотверженная жизнь Н. К. Рериха была заполнена неустанным трудом в области искусства и науки. Его полувековая культурная и общественная деятельность увенчана «Пактом Рериха», легшим в основу Гаагской конвенции 1954 года по сохранению культурных ценностей человечества. Сейчас членами этой конвенции являются все ведущие страны мира. Н. К. Рерих был не только великолепным мастером кисти, но и крупным ученым-востоковедом и путешественником. Еще в конце девятнадцатого века он начинает изучать историю культуры стран Востока, древнеиндийскую философию. Интерес и любовь к Востоку разделяет вся семья Николая Константиновича и прежде всего его старший сын Юрий Рерих, ставший замечательным востоковедом и одним из ближайших помощников отца во всех его начинаниях. С годами у семьи Рерихов крепнет желание организовать экспедицию на Восток — в Центральную Азию. В 1913 году в статье «Индийский путь» Н. К. Рерих пишет: «Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии... Вот к ней мы и направляемся... Заманчив великий Индийский путь»¹. Рерихам понадобилось еще долгих десять лет, чтобы преодолеть все трудности, чтобы начать свой легендарный «индийский путь». 8 мая 1923 года Рерихи выезжают в Индию, начинается знаменитая рериховская Центрально-азиатская экспедиция.

Какие же научные цели и задачи поставили перед своей экспедицией Рерихи? Об этом подробно рассказал в своей монографии «По тропам Срединной Азии»² Ю. Н. Рерих. Он писал: «В прошлом блестящая плеяда исследователей положила начало борьбе за географические открытия в труднодоступных районах Азии. История их достижений — одна из самых замечательных страниц в истории таких исследований. Помимо

¹ Н. К. Рерих. Собрание сочинений, т. I, М. Изд-во И. Д. Сытина, 1914, стр. 258—261.

² Так Ю. Н. Рерих назвал свою книгу о путешествии по Центральной Азии.

получения научной информации и открытия новых областей для прогресса человечества они утверждали тот дух дерзания, которому во многом обязано распространение нашей цивилизации. Их пример дал возможность другим продолжать полную опасностей работу освоения далеких и неизвестных районов.

Во внутренней Азии мы можем исследовать самую величественную горную систему мира; в течение многих месяцев пробираться по безводным песчаным пустыням и по каменистым долинам; изучать следы культуры прошлого.

Необозримые пространства Срединной Азии на юге упираются в громадные Трансгималаи и суровые нагорья следующих друг за другом горных цепей Каракорума. Ее северная граница проходит по Алтаю и горным хребтам, граничащим с Западно-Сибирской низменностью. На восток и запад этот огромный внутренний бассейн открыт обширными пространствами пустыни и степи, включающим в себя великую монгольскую пустыню Гоби и степные земли Средней Азии.

Этот внушительный район Азии Центрально-азиатская экспедиция под руководством академика Н. К. Рериха прошла и исследовала в течение пяти лет почти без перерыва.

Основная задача экспедиции была — создать живописную летопись стран и народов Центральной Азии. Пятьсот полотен, созданные Н. К. Рерихом во время этой экспедиции, — итог необыкновенного подвига целеустремленности. Вторая задача экспедиции состояла в том, чтобы изучить возможности для новых археологических исследований и таким образом подготовить путь для будущих экспедиций. Третья задача — собрать обширную коллекцию этнографического материала и материалов по языкам, иллюстрирующих культуру народов Центральной Азии».

Со всеми этими задачами Центрально-азиатская экспедиция (1923—1928 гг.) Рерихов блестяще справилась. Рерихи прошли гигантский круговой маршрут — около 25 тысяч километров по Срединной части Азии, дважды пересекая при этом всю Центральную Азию.

А какие преграды стояли на пути! Три величайшие горные системы были пересечены — Гималаи, Каракорум, Куньлунь, при этом путешественники преодолели 35 высокогорных перевалов, пустыни Такла-Макан и Гоби. Следует также учесть отличие в оснащении рериховской экспедиции от современных. Тысячи километров были пройдены на джах, лошадях, верблюдах, пешком; часто путешественники на целые месяцы были отрезаны от внешнего мира — радиоаппаратуры экспедиция не имела. Кроме преодоления природных преград, пришлось испытать невежественное противодействие китайских властей в Хотане и тибетского правительства, обрешшего экспедицию на суровую зимовку на нагорье Чантанг на высоте более 4000 метров и этим чуть не погубившего ее. Но Рерихи прошли через все эти преграды, ведя неустанную научную и художественную работу. Они собрали огромный научный материал о жизни и культуре кочевых народов. Открыли своеобразный художественный стиль, присущий кочевникам Центральной Азии, — так называемый звериный стиль, тесно связанный с искусством древних скифов. Изучали и фотографировали множество ранее неизвестных археологических памятников. И самое главное — за эти годы Н. К. Рерих создает в сотнях своих картин величественную панораму стран и народов Центральной Азии. Н. К. Рерих тонко понимал своеобразную красоту стран Азии и больше всех сделал для ее раскрытия. И во всем, что он создает — картины или книги, — чувствуется дыхание живой Азии, и все проникнуто подлинной поэтичностью. Этим он отличается от всех других исследователей Центральной Азии.

Важно отметить, что Н. К. Рерих, совершая эту труднейшую научную экспедицию, все время думает о России. В советском консульстве в городе Урумчи работает над памятником В. И. Ленину. В 1926 году Рерихи приезжают в СССР, в Москву. Вспоминая об этом, Николай Константинович писал: «В 1926 году в Москве мы, т. е. я, моя жена и сын Юрий имели долгие добрые беседы с Чичериным, Луначарским, Бокием. Мы хотели тогда же остаться на Родине, прибывшись к строительству. Но мы должны были ехать в Тибетскую экспедицию, и Бокий советовал не упускать этой редкой возможности. Как известно, экспедиция оказалась многолетней и дала богатые разнообразные материалы, которые мы обрабатывали в Индии при сотрудничестве ценных специалистов».

Много и других встреч с государственными и общественными деятелями, художниками и артистами имели Рерихи в Москве. Они встретились с Н. К. Крупской, К. С. Станиславским, А. В. Щусевым и И. Э. Грабарем.

После успешного окончания экспедиции Рерихами основывается в 1928 году в Индии, в Гималаях, в древней долине Кулу, Гималайский институт научных исследований «Урусвати». Институт был задуман как международный научный центр. Он вел интереснейшую научно-исследовательскую работу, изучал и обрабатывал материалы, привезенные из Центрально-азиатской экспедиции, и организовывал новые экспедиции. В области лингвистики институт специально занимался изучением наречий народностей гималайского горного пояса и смежных областей тибетского нагорья. Собирались ботанические и зоологические коллекции. Был составлен первый в мире атлас тибетских лекарственных трав. Проводилось исследование космических лучей в высокогорных районах. Велась большая работа по изучению древнего искусства народов Центральной Азии.

Институт обменивался научными коллекциями и изданиями с Ботаническим садом АН СССР. Крупнейший советский ботаник и генетик Н. И. Вавилов поддерживал науч-

2

ные контакты с «Урусвати» и получал оттуда семена для своей уникальной ботанической коллекции.

Друзьями Н. К. Рериха становятся многие выдающиеся люди Индии: Джавахарлал Неру и Рабиндранат Тагор, будущий президент Индии доктор С. Радхакришнан. В 1942 году по инициативе Н. К. Рериха и при содействии его индийских друзей начинает выходить журнал «Новости Советского Союза». Он пишет брату Б. К. Рериху в Москву: «Вчера я послал тебе новогодний номер здешнего журнала «Новости Советского Союза». Журнал начал выходить в Дели с ноября и сразу был встречен повсюду с огромным успехом. Номера все немедленно расхватывали, даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Египта. Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы устроиться. Интерес и сочувствие везде. В будущем пойдет в красках моя картина «Партизаны»...

Вероятно, в Дели состоится в феврале наша выставка в пользу военного фонда — все пойдет русскому воинству. Каждый должен принести и средства, и знания, и труда во славу Родины».

Всю свою жизнь Н. К. Рерих посвятил служению родине и многое сделал для укрепления ее дружбы с другими странами и, в первую очередь, с Индией.

«Тянется сердце Индии к Руси необъятной,— писал он.— Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно Алтай — Гималаи — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских».

«Индийский путь» Н. К. Рериха, начавшийся его Центрально-азиатской экспедицией, нашел прекрасное отражение в его книге «Алтай — Гималаи», вышедшей в 1929 году двумя изданиями на английском языке — в США и Англии. Эта книга, создававшаяся не в тиши кабинета, а прямо в путешествии, вызвала большой интерес широких кругов общественности этих стран. На русском языке книга Н. К. Рериха «Алтай — Гималаи» впервые подготовлена к изданию в издательстве «Мысль» по рукописи, хранящейся у Ираиды Михайловны Богдановой-Рерих в московской мемориальной квартире Ю. Н. Рериха.

Читатели «Дружбы народов» могут получить представление об этой уникальной книге, прочитав отрывки из нее, публикуемые в этом и следующем номерах журнала.

На цветной вклейке этого номера представлены художественные работы Николая Рериха, появившиеся в результате грандиозной экспедиции в Азию. Работы эти находятся в музее имени Н. Рериха в Нью-Йорке, слайды которых любезно предоставила редакции «Дружбы народов» вице-президент музея Зинаида Григорьевна Фоздик.

Академик Б. Г. ГАФУРОВ

Цейлон — Гималаи

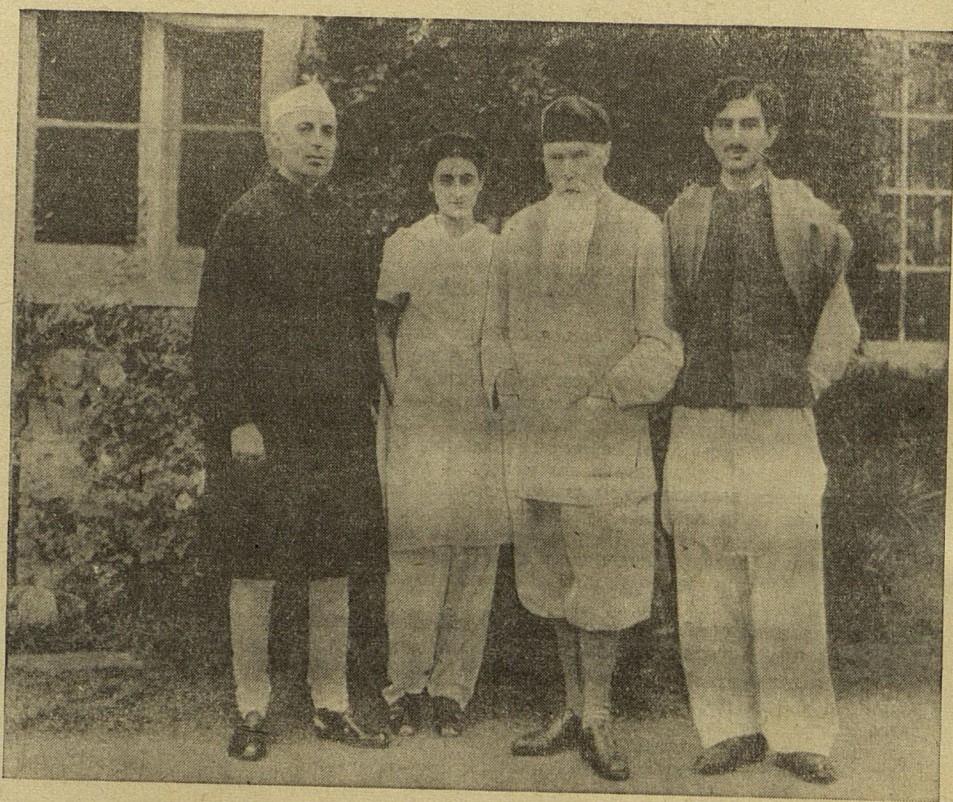
(1923—1924)

«Урус карош!» — кричит лодочник в Порт-Саиде, увидев мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!» Привет Востока!

Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама. Вот и «двенадцать апостолов» — причудливые островки. Вот и Джидда — преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии. На рифах торчат остовы разбитых судов. Черное море¹ умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недаром грозил и предупреждал ночью. Но теперь, зимою, Черное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы — Кория Мориа.

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насыщны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы же договоримся наконец с Россией», — деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

Фотографии и заставки из рукописи Н. К. Рериха публикуются впервые.

Джавахарлал Неру и Индира Ганди в гостях у Н. К. Рериха в Кулу. Май 1942 года.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого сфинкса.

Если обезображен сфинкс Египта, то сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел. И оно дождалось крушения империализма.

Древний Цейлон — Ланка Рамаяны². Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Английская полиция. Француз торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы чаевики. Итальянец шофер. Где же, однако, сингалезы? Неужели все переехали в театры Европы?

Будда и Майтрейя³ скрыли свои лики в потемках храма Келания около Коломбо. Мощные изображения заперты в каких-то гигантских стеклянных шкафах по темным углам. Хинаяна гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной Махаяной.

Обновленная большая ступа⁴ около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване⁵ и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени учения. Кроме известных развалин — сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они

3

сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон — важное место.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные дравиды⁶ еще не напоминают Веды⁷ и Махабхарату⁸.

Пестрая Мадур⁹ с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и сказитель Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий.

...С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке удавалось видаться в Нью-Йорке, а Юрию в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились. Мы не могли поехать в Болпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проехали три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских и лавочников и прохожих бабу¹⁰ посылала нас в самые различные закоулки. Наконец на нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы наконец сами припомнили название улицы, где дом Тагора.

Передавали, что когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутация от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!..

Тут же (в Калькутте) недалеко за городом два памятника Рамакришне¹¹. На одном берегу Дакшинесвар — храм, где долго жил Рамакришна. Почти напротив, через реку, Миссия Рамакришны, усыпальница самого учителя, его жены, Вивекананды¹² и собрание многих памятных вещей. Вивекананда мечтал, чтобы здесь был индусский университет. Вивекананда заботился об этом месте. Там много тишины, и с трудом сознаете себя так близко от Калькутты со всеми ее ужасами базаров и «колониальной цивилизации».

В памятный день Рамакришны собирается до полумиллиона его почитателей. После самого чистого — к самому ужасному. В особых кварталах Бомбея за решетками сидят женщины проститутки. В этом живом товаре, прижавшемся к решеткам, в этих тянущихся руках, в этих выкриках заключен весь ужас современности. И индус садху с зажженными курениями в руках, медленно проходит этим ужасным местом, пытаясь очистить его...

Калькутта, так же, как Бомбей и Мадрас, как и все портовые города, оскорбляет лучшие чувства. Здесь гибнет народное сознание.

Когда мы входили в Чартеред — банк, навстречу из дверей вышла священная корова. И это сочетание банка со священной коровой было так поражающе нелепо.

Сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов. Крутятся на базаре жалкий хатха йог, проделывая гимнастическую головоломку для очищения своего духа. «Спиритуалист» предлагает заставить коляску двигаться без лошадей, но для этого нужно, «чтобы на небе не было ни одного облачка».

И тут же рядом фантастичный и романтический обломок старой Раджпутаны — Амбер¹³, где с балконов принцессы смотрели на турнир искателей их сердец. Где каждые ворота, где каждая дверка поражают сочетаниями красоты.

И тут же углубленный и причудливый Гольта, который не может представить фантазия — только «игра» жизни наслаивает такие неожиданные созидания. И тут же Джайпур со сказочной астрологической обсерваторией и с очарованием неспорченного индо-мусульманского города. Фатех Пур Сикри¹⁴, Агра — редкие обломки ушедшей культуры. И стенопись Аджанты¹⁵ уже не прочна.

Все остатки строительства Акбара¹⁶ имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятные современникам. В Фатех Пур Сикри он беседовал со своим мудрым Бирбалом и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей своих и предчувствовал, как не сохранится созданное благополучие государства. И Агра, и Фатех Пур Сикри — все полно безгранично грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик...

Новый Дели с какими-то ложноклассическими колоннами, казарменно холодными, нарочито вычерченными, показывает, что это строительство не может иметь общее понимание с сознанием Индии.

Очистить Индию и возвеличить ее можно не этими мерами. И прежде всего надо вместить индусское сознание.

При всей запыленности временем архитектура Бенареса все же сохраняет очарование. Все смешение форм стариндусских, дравидских и мусульманских может давать новые решения для непредубежденного архитектора. Можно представить комбинацию многоэтажного тибетского строения с удобствами американского небоскреба. Можно провести уравнение от дворцов Бенареса к дворцам Венеции и к жилому особняку. Можно разработать стиль пуэбло¹⁷ американских в новейшем понимании, как делается в Санта-Фе.

Но обезобразить Индию чуждыми ей ложноклассическими колоннами и казарменными белыми бараками! Это глубокое безвкушие происходит от отсутствия всякого воображения и прозрения.

Один индус жаловался мне на отсутствие индусов архитекторов. Я говорил: «Если нет архитектора, дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы». Нельзя опоганить весь мир одним казенным бунгалоу. Нельзя из Явы делать шведский Стокзунд¹⁸. И нельзя командой и апачей видеть в коттеджах Бостона. Соизмеримость должна быть соблюдена.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада.

Рука женщины каждый день покрывает особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме все благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины замолкает. Как бы цит красота в час благополучный полагает перед домом рука женщины. Уже девочки в школах учатся разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота живет в этом обычае Индии.

Вивекананда звал к работе и свободе женщину Индии, он же спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Иисуса, почему вы ни в чем ему не следуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех учений и научившегося на жизни «не отрицать». Вивекананда не есть прилежный «свами». Что-то львиное звучит в его письмах. Как он был бы нужен Индии сейчас.

4

...Мать Боше¹⁹ в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Боше написал на высотах Пенджаба в Майавати — в общине Вивекананды.

Слишком рано ушел Вивекананда. Боше, Тагор и О. Гоше²⁰ — лучшие лики Индии.

И ведь люди, ругающие новую Россию, втайне мечтают о какой-то торговле и сношениях именно с нею.

Экспортеры Цейлона, Ассама и Дарджилинга очень хотели бы иметь дело с Россией. Китайский Туркестан, говорят, мечтает об этом, ибо трудный караванный путь через Каракорум и Кашмир необычайно сложен...

При наличии таких изысканных ценностей, как Рабиндранат Тагор, Дж. Боше и О. Гоше нельзя примириться с тем, что еще составляет содержание храмов.

Вот фаллический культ в Элефанте. Еще до сих пор в святилищах этого культа видны следы свежих жертвоприношений. Из древней мудрости мы знаем, что «Линга — сосуд знания», и знаем научное объяснение этого незапамятного понимания мудрого распределения сил. Но ведь сейчас, вне всяких пониманий, идет суеверное поклонение.

Еще безобразное зрелище! В Золотом Храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Ее увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время ее, отчаянно упиравшуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма и широкий нож брамина отсек ей голову. Трудно было поверить, что совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу браминам. Ведь брамины мяса не вкушают, за исключением мяса жертвенных животных. А таких животных запуганное население, вероятно, приводит ежедневно. Плохи, очень плохи брамины в храмах. Даже декоративно они не хороши. Учение, предполагавшее браминов, очевидно, видело их какими-то иными, но не теми, как они выродились сейчас. Могут ли они хранить красоту символов знания? Пока уложение каст не изменено в Индии, страна не может развиваться.

Теперь касты пришли в неопишемую неразбериху. Махараджи иногда бьют из низшей касты чистильщиков нечистот. Впрочем, каждый чистильщик нечистот знает, что в следующем воплощении он будет королем. Не отсюда ли происходит внешность и мозговые качества некоторых королей? А сколько драм, убийств и самоубийств происходит вследствие кастовой разницы между мужьями и женами? Даже за наше пребывание пришлось читать о нескольких тяжелых семейных драмах на этой почве явного пережитка. В то же время Веданта и Адвайта²¹ ясно устанавливают принцип единства. Некоторые наиболее космогонические части Вед написаны женщинами. И теперь в Индии приходит время женщины. Привет женщине Индии!

Может быть, мы пристрастны к браминам? Вспомним, что о них говорит Вивекананда в своих письмах. Строго и полно осудил этих суеверов Вивекананда.

Рамакришна говорил: «В атмане²² нет различия между мужчинами и женщинами, между браминами и кшатриями²³».

Рамакришна исполнял самые черные работы, чтобы лично показать отсутствие различий.

В декабре хотим ехать к Гималаям. На нас смотрят изумленно: «Но ведь там теперь снег». Снега боятся! Между тем единственное время для Гималаев —

ноябрь — февраль. Уже в марте подымается завеса тумана. А в мае — августе совсем редко можно на короткое время увидеть всю сияющую гряду снегов. Правда, такое величие нигде не повторено...

Горы плотно закрылись. Вид самого Дарджилинга разочаровывает. Неужели нужно искать Гималаи, чтобы найти такую неталантливую Швейцарию? Цветистые типы базара не видны сразу, а бесталанные баракы и бунгалоу уже бьют в глаза. Еще хуже выглядит Лебонг, где английские войска угрожают перевалам на Тибет Нату-ла и Джелап-Ла.

Ищем дом. Первые сведения неутешительны. Уверяют, что хороших домов нет. Показывают нечто лишенное и вида и простора, нечто тонущее в закоулках деревянных дач и заборов. Все не то. Мы хотим вот туда — перед ликом всех Гималаев, где не играет городской оркестр, где нет приглашений на игры в клубях. «Там ничего не найдете». Но мы упрямы. Идем сами. И сами находим отличный дом. И тишину. И уединение. И всю цепь Гималаев перед нами. И еще неожиданность. Именно здесь жил Далай-лама во время своего долгого бегства из Лхасы. И до сих пор паломники приходят издалека поклониться этому жилью. А для нас именно это то, что надо.

Не раз мы просыпались от пения и мерных ударов вокруг дома. Это ламы, земно простираясь, многократно обходили наш дом. Побывали и тибетцы, и бутанцы, и непальские шерпа. Появляется в огненно-красном халате монгол из Ордоса. Все само пришло...

Скучная необходимость иметь много слуг. И причины — все те же касты. Доходит до абсурда. Сторож не чистит дорожки... Почему? Оказывается, по касте своей он кузнец и не имеет права взять метлу в руки, иначе он осквернится и станет чистильщиком нечистот. Он решает проблему оригинально: начал разгребать дорожки пятернею, ползая по земле. Конюх оказался из высокой касты кшатрия и намекал на потомков короля, что не мешало ему утаскивать лошадиную пищу...

Складывается серия «Его страна» и начинается серия «Знамена Востока». В июне после первых дождей оказалось, что вся темпера покрылась белыми пятнами плесени. Нужно было усиленно топить, чтобы она высохла и начала сходить.

Какие магниты заложены в Индии? Неповторяема прелесть детского хорова под Мадрасом. Эти крошечные Гопи и малюсенький Кришна — Лель и Кулава. Самые лучшие образы рассыпаны в несознаваемом богатстве. Индия знает всепроникающее качество магнита.

«А как же с чудесами в Индии?» — спросят приятели Запада. Скажем: «чудес» не видали, но всякие проявления психической энергии встречали. Если говорить о проявлениях «вышей, чудесной» силы — тогда вообще не стоит говорить. Но если осознать материально достигаемое развитие психо-физической энергии, тогда Индия дает и сейчас самые замечательные проявления. Знаменитый «смертный глаз» Востока существует, и люди покорно умирают в назначенный срок, если не сумеют противопоставить свою, еще более тренированную волю. Передача волевого приказа на расстоянии существует. Внушение в любой форме существует, и в очень сложных сочетаниях. Часть явлений производится сознательно, а значительная часть — бессознательно, в силу природной способности и благоприятных атмосферических условий. И то, что для цивилизованного европейца необычайно, то для культурного индуса, или, вернее, азиата, будет самым материально обыденным.

Посмотрите, как замечательны физиологические сравнения, проводимые индусами между явлениями космическими и человеческим организмом. И матка, и пуповина, и фаллус, и сердце — все это в давнее время введено в стройную систему развития мировой клетки. Только трудно вызвать их на эти беседы. Опять нужно то доверие, которое пирушкою не установите.

5

Во времена инквизиции за инвольтацию с терафимом²⁴ сжигали, но в Индии и сейчас практикуется этот способ воздействия напряжением воли. Еще в Америке рассказывали о ксендзах, применяющих это воздействие. И сейчас на малабарских холмах могут прийти темные люди и за неисполненное желание будут стремиться прикоснуться к вам, сказав: «Господин будет болен» или «Проживешь только десять дней». Если организм в этот момент утомлен или воля слаба, то приказ исполняется. И вылечить можно тогда только контрвушением. Но часто обратное воздействие менее сильно.

Передаваемые случаи «смертного глаза» составляют замечательное и совсем не изучаемое задание для психиатров и криминалистов. Лицо, получившее волевой удар, в назначенные сроки начинает терять жизненную энергию, теряет самозащиту, и наконец аппарат останавливается. Врачи, не применив вовремя внушения, теряются в средствах и начинают еще более отравлять парализованную нервную систему. Злостное малокровие, поражение сердца, или селезенки, или желчного пузыря, нервные спазмы и удушье часто являются официальным следствием волевого приказа. Трудно установить, как происходит качество поражения организма, вернее, представить, что наиболее слабый орган скорее реагирует на поражение нервов. В малой и грубой степени то же явление знакомо в шаманизме, но степени воли и применения ее совершенно несравнимы. Справедливо указывается, что такое волевое убийство или повреждение гораздо опаснее механического. И где искать границы этих воздействий? На Востоке можно иногда услышать многозначительную фразу: «Он не будет жить». Значит, почуяна искра волевого удара.

Два качества нужно отдать англичанам — выдержка и точность во времени. Оба эти качества поразительны для Востока. Если бы к ним еще прибавить чистоту мысли! Но этим свойством все европейцы мало отличаются. Именно детскими попытками скрыть истинные свои намерения европейцы закрывают себе врата Востока. Точность в назначенных сроках, конечно, совершенно необходима, ибо «худшая кража есть кража чужого времени», но одна точность без ясности и чистоты мысли еще мост не создает.

Не опаздывайте, если хотите, чтобы вас уважали. Не лгите мысленно, если собираетесь найти друзей на Востоке...

Рассказывают недавний случай в Бенгалии. Садху ехал в поезде без билета. На ближайшей станции его высадили из вагона. Раздаются звонки. Паровоз свистит и не двигается. Так продолжалось некоторое время. Пассажиры вспомнили о высаженном садху и потребовали водворить его на место. Тогда поезд двинулся. Вот это массовое воздействие!

Европейка, жившая в Индии, зашла в глухую часть сада и задумалась, отчего не проложены дорожки на этих полянах? Через три дня она идет туда же и видит свежепроведенную дорожку, но окончание дорожки как-то затерялось. Позвали старика садовника: «Кто провел дорожку?» — «Ведь мемсаиб хотела иметь дорожку, но я не знал, как окончить ее». И женщина вспомнила, что конец ее мысли о дорожке был неясен.

Джагадис Боше утверждает, что чувствительность растений совершенно поразительна. Так, растения чувствуют образование облачка задолго до его видимости глазом. Восток чует мысль при ее зарождении.

В реальном чередовании очевидного и незримого глазом, в эпической простоте особых возможностей очарование Индии. Махендра Пратап замечательно говорит о Лемурии и о сравнении Запада и Востока...

Если возьмем твердые исторические даты прошлого века, то можно поразиться, как планомерно освобождалось народное сознание от явных пережитков

средневековья. Защитники пережитков могут просмотреть исторические пути и удостовериться, что происходящее сейчас не случайно, но определенно планомерно. Кто страшится этой планомерности, тот не может понять эволюцию.

Две прекрасные подробности буддизма: «Подобно льву, не уstraшенному шумами. Подобно ветру, не уловимому сетью. Подобно листу лотоса, не пронизаемому водою. Подобно носорогу — иди в одиночестве». «Изучение и проявление энергии во всех ее видах. Энергия вооружения. Энергия приложения в действии. Энергия неудовлетворения, рождающая вечное устремление, вводящее человека в ритм космического потока», — так говорит Асанга²⁵.

Где же бездейственный пессимизм? Где же философия отчаяния, как иногда называли буддизм малопонимающие люди? Сколько книг было написано под влиянием ложной романтики девятнадцатого века. Сколько ученых, не владея языками, питали свое сознание этими мечтательно-кислыми заключениями. А теперь показался иной лик: Будда с мечом, в ливнином дерзновении, во всеоружии всех энергий, в мировом строительстве, в космическом устремлении.

«Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем, и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобное представление очищает от грязи земной жизни», — так размышляет Марк Аврелий. То же самое говорит вам образованный индус Гималаев...

Наблюдательность на Востоке и поражает и радует. И не показная наблюдательность, сводящаяся к мертвому графарету, но тонкая, молчаливая наблюдательность по существу. Вспоминается, как учитель предложил новопришедшему ученику описать комнату. Но комната была пуста, и в сосуде плавала лишь одна маленькая рыбка. За три часа ученик написал три страницы. Но учитель отверг его, сказав, что об одной этой рыбке он мог бы писать всю жизнь. В технической подражательности сказывается та же острая наблюдательность. В усвоении песенного лада, в характере зова, в движениях вы видите старую мощную культуру. Где-то сравнивали индусов, завернутых в плащи, с римскими сенаторами. Это сравнение ничтожно. Скорее философы Греции, а еще лучше создатели Упанишад — Бхагавадгиты — Махабхараты. И никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия. И последние раскопки начинают поддерживать этот несомненный вывод.

Проникновенно смотрит индус на предметы искусства. Конечно, от индуса вы уже ожидаете интересный подход и необычайные замечания. Так оно и есть, и потому показывать картины индусам настоящая радость. Как увлекательно подходят они к искусству! Не думайте, что их занимает лишь созерцание. Вы будете изумлены замечаниями о тональности, о технике и о выразительности линии. Если зритель надолго замолчит, не подумайте, что он заскучал. Наоборот, это добрый знак. Значит, он вошел в настроение и можно ждать особо интересных выводов. Иногда он скажет целую притчу, и в ней не будет ничего грубого или пошлого. Удивительно, как преображаются люди Востока перед художественным произведением. Положительно, зритель Европы труднее входит в струю творчества и часто менее умеет синтезировать свои впечатления.

В эпических узорах Индии все укладывается. Окажется в толпе вашим ближайшим соседом олов, побелевший от проказы, — вы не пугаетесь. Прислонится к вам садху, выкрашенный синими разводами, с прической из коровьего помета, — вы не удивляетесь. Обманет вас факир с беззубыми кобрами — вы улыбаетесь. Давит толпу колесница Джаягнат — вы не поражаетесь. Двигается шествие страшных нагов Раджпутаны с кривыми жалами клинков — вы спокойны. А где же те, ради которых вы приехали в Индию? Те не сидят на базарах и не ходят в шествиях. И в жилища их вы не попадете без их желания. Да

правда ли они есть? Не пишут ли только о них досужие писатели для необыкновенности? Есть, есть и они. И есть их знание и умение. И в этом изошрении человеческих качеств возносится вся человеческая сущность, и никакая проказа не отвратит вас от Индии.

Все происходящее в метапсихическом институте Парижа, опыты Нотцинга и Рише по эктоплазме, опыты Барадюка по фотографированию физических излучений, работы Котика по экстериоризации чувствительности и попытки Вехтерева по передаче мыслей на расстоянии — все это знакомо Индии, только не как маловероятное новшество, но как давно известные законы. Мало говорят на эти темы по недостатку сведущих, научно просвещенных собеседников. Древний метод индуизма и буддизма — открывать двери постучавшемуся, но никого не зазывать и ничего не навязывать. Но и качество стука должно быть мощно. В практическом учении буддизма четко развивается самодеятельность сознания и как следствие ее — непоколебимая выдержанность и все побеждающее терпение. Наибольшее терпение склонит победу. Вот бы невеждам-отрицателям окупиться в настоящий Восток, поучиться и воспринять способность вмещения.

Передают два характерных эпизода о Таши-ламе²⁶ и о Далай-ламе. Когда Таши-лама был в Индии, к нему обратились с вопросом, владеет ли он какими-либо психическими силами. Таши-лама молча улыбнулся. Через некоторое время, будучи тесно окружен хранителями и офицерами, Таши-лама неожиданно исчез. Все поиски были безуспешны. Наконец через значительное время офицеры увидели его спокойно сидящим тут же в саду, а вокруг него суетились в бесплодных поисках хранители. Так же и Далай-лама был спрошен в Индии. Так же и он промолчал. Потом он показал присутствующим большую картину Поталы²⁷, и вдруг все увидели его сидящим над Поталой. Оба случая напоминают, как говорил мне (некогда) Горький, что он сам смотрел яркие изображения индийских городов на чистых металлических листах альбома, показанного ему однажды на Кавказе индусом. При всей своей реальности, Горький, однако, утверждает, что видел в ярких красках то, что указал индус. Привет Алексею Максимовичу!

Очень чувствителен мир Востока. Притяжение мыслью поразительно. Хотелось иметь старого тибетского Будду, но это уже трудно теперь. Говорили и мыслили между собою, как достать. Через несколько дней приходит лама и несет отличного Будду: «Госпожа хотела иметь Будду, и мне указано отдать Будду с моего домашнего алтаря. Не могу продать священное изображение — примите в дар». — «Как же вы узнали наше желание иметь Будду?» — «Белая Тара²⁸ явилась во сне и указала отнести вам». Так бывает, чудесно и просто.

Постоянно приходят ламы. Развешивают по лужайке картины. И нараспев, указывая палочкой, говорят целый эпос. Яркие краски картин сливаются с самоцветами природы. Воздействие через зрение уже издавна оценено. Приходит монашка. Садится у порога и, закинув благообразную голову, поет молитвы. Разбираем только «та-ти-шо!» Вообще с языками трудно. Все эти горные наречия немного похожи на тибетский, но все же разница очень велика. А число наречий маленьких племен тоже велико. Наконец приезжает из Лхасы Кунг-Кушо из Доринга, чтобы поклониться дому Далай-ламы. Кунг (титул вроде герцога; замечательно совпадение: конунг, кунг, кинг) — важный старик с добродушной женой и круглолицей (как украинка) дочерью, с многочисленными слугами. На черных рослых мулах подбитые серебром высокие седла и многоцветные чепраки. На лбах ярко-красный колпачок с изображением Чинта-мани. В 1912 г. на Кунга напали китайские солдаты, едва не ранили. Убили его секретаря. Это повело к восстанию Тибета. Кунг удивлен и обрадован нашим буддийским предметам. Завтракаем. Делаем тибетские блюда. Очень чинный старик, полный своей образной культуры...

...Характерны некоторые условные приказы. «Одеть штаны» — значит, готовиться к походу. Условные выражения часто вносят затруднения в переговоры. Однажды посланник говорил в очень высоких выражениях о «волосах Брамь». Никто не понял, и переговоры прекратились. Между тем он имел в виду не что иное, как реку Брампутру. Часто языки, преподаваемые в университетах, не помогают на местах.

Приезжала леди Литтон смотреть картины. В семье Литтон²⁹ остались традиции их знаменитого деда Булвер-Литтона. Приезжал полковник Бейли. Потом пришла вся экспедиция с Эвереста. Все-таки непонятно, что они оставили двух погибших товарищей без длительных розысков. Между прочим, добивались узнать, не поднимались ли мы к Эвересту. На картине «Сжигание тьмы»³⁰ они узнали точное изображение глетчера около Эвереста и не понимали, как этот характерный вид, виденный только ими, попал на картину.

Опять вспоминаем споры об учении в нашей кухне. Повар руководит спорами. Тибетец Бонг-тю хихикает: «Не умеют спорить. Не знают, как ведутся разговоры об учении у нас в Тибете». Спор идет до полуночи.

Страница истинного Востока: «Опять приступят с вопросом: как быть с препятствиями? Кому семья мешает, кому нелюбимое занятие, кому бедность, кому нападение врагов. Добрый всадник любит изощряться на неученых конях и предпочитает препятствие ровной дороге. Всякое препятствие должно быть рождением возможности. Явление затруднения перед препятствием все-таки происходит от страха. В какой бы убор ни нарядился трус, мы должны найти страницу о страхе. Друзья, пока нам препятствия не являются рождением возможностей, до тех пор мы не понимаем учение. Удача лежит в расширенном сознании. Невозможно приблизиться при наличии страха. Луч мужества поведет поверх явления препятствий, ибо теперь, когда мир знает, куда идет, — семя крови растет. Если путь усеян костями, можно идти смело. Если народы говорят на незнакомых языках — значит, можно открыть душу. Если надо спешить — значит, где-то новый враг готов. Будьте благословенны, препятствия, вами мы растем!»

Индия, знаю твои скорби, и все-таки будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу. Из браминов твоих мы выберем самого лучшего, который понял мудрость Вед. Изберем раджу, который стремился к нахождению путей истины. Усмотрим вайшию и шудру, которые вознесли свое ремесло и труд для восхождения мира. Котел кипящий — горнило Индии. Кинжал верований над белой козочкой. Призрак пламени костра над вдовицей. Вызывания и колдовство преступления. Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия. Но мы знаем благовония твои. Но мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу.

Хотан

(1925—1926)

Декабрь 1925 года.

Наши верные ладакцы³¹ собирались идти с нами в самые далекие края. В Хотане они скоро как-то приуныли. Ходили по базарам. Жаловались, что их хватают за косы. Плакались на китайские власти. Уверяли, что китайский дао-

7

тай³² будет их бить. Говорили, что даотай сам человека убил. Наконец вся сермяжная ватага ладакцев пришла, улыбалась, топталась, теснилась, повторяла, какие мы добрые юм-кушо (госпожа), яб-кушо (большой господин) и, наконец, слезно просила отпустить их. Намекали, что если бы немедленно идти дальше, они останутся, но в Хотане жить невозможно. Очень трогательно ушли, спеша через снежные перевалы. К началу ноября они уже были задержаны на Санжу, где путь стал непроходим. Мы оценили тогда совет идти как можно раньше, ибо именно после нашего прохода началась сплошная вьюга и сильнейший мороз.

Намеки ладакцев на невозможность жить в Хотане мы не приняли к сведению, но скоро начали приходить к убеждению, что наши простые друзья, храбро шедшие через все скелеты Каракорума, загрустили в Хотане не зря.

Начались самые странные симптомы. Нам не только не хотели дать подходящий дом, но уверяли, что мы должны поместиться на базаре, где даотаю удобнее следить за нами. Когда мы сами устремились к подходящему дому за городом, то нашлась масса препятствий, которые мы должны были неустрашимо лично преодолеть. Наш доброжелательный Худай Берды Бай и афганский аксакал много помогли в добыче дома, но амбань³³ разрешил сделать условие лишь на месяц. Дал этим понять, что жильцы мы нежелательные, но и уехать не разрешил. Разрешения писать этюды не дано. Приставлен отвратительный бек. Наконец приехал новый амбань, и дело пошло еще сложнее.

У даотая заболел ребенок. Просили Е. И.³⁴ приехать и помочь. Лечение оказалось удачным, и все три правителя приехали якобы благодарить, но вели себя возмутительно. Хохотали, махали руками, плевались, заявили, что наш паспорт вообще недействителен. Все приняло поистине безобразные пределы. Но это были цветки — ягоды показались на следующий день.

Приехал амбань и заявил, что получена телеграмма из Урумчи от губернатора области с требованием выслать нашу экспедицию и непременно через Санжу, т. е. через закрытый зимой снежный перевал.

Конечно, мы уже привыкли к мошенничеству и двоедущию властей Хотана и не сомневались, что никакой телеграммы нет, и вся история подложна. Впрочем, прибавил грозный амбань, если лично попросить г. даотая, то, может быть, он смилостивится. Надо сказать, что власти не пропустили ни одну нашу телеграмму и мы должны были изыскать возможности окольными путями послать телеграммы в Нью-Йорк, Пекин и Париж через консульство в Кашгаре. Кроме того, амбань указал, что власти имеют право вообще отобрать все мои художественные принадлежности.

На следующий день даотай сменил гнев на милость и по причине излечения его сына Е. И. сообщил, что высылать на Санжу нас не будет. Но милость за излечение сына скоро испарилась, и власти начали угрожать нам обыском. Наконец 29 декабря был произведен осмотр вещей. Наше оружие: три ружья и три револьвера — было опечатано и увезено. Сказали, что в Кашгаре мы можем его получить. Свидетельства на (право) ношения оружия от британских властей не были приняты во внимание. Когда внесли огромный ящик для укладки оружия, то даже китайцы попятнулись, шепча: «Гроб». Е. И. прибавила: «Это гроб для подобных властей». Казалось бы, вся изобретательность утеснения была уже изощрена, но невежество подсказало еще одну «игру». Сообщили нам, что наши американские бумаги властей не интересуют и потребовали русский паспорт. При этом мудрые власти республиканского Китая потребовали не что иное, как старый императорский паспорт. Совершенно случайно при нас оказался старый паспорт и патент на шведского командора. «Зубры» скопировали и то и другое и будто бы куда-то послали.

Требование царского паспорта через девять лет после китайской революции показало нам, что власти Хотана не только недоброкачественны, но и безмерно невежественны и оставаться здесь было бы уже опасно. Мечтаем немедленно ехать на Кашгар и Урумчи, чтобы найти более разумную власть.

Друзья мои, если хотите испытать свое хладнокровие и терпение, поезжайте в гор. Хотан. Здесь даотай Ма (т. е. лошадь) и амбань Чан-фу научат вас со всею изобретательностью средневековой невежественности.

Перед отъездом слышали базарную молву, что даотаю готовится сильная неприятность. Толкуют, что он получил от правителя области должность даотая и звезду за собственноручное убийство военного губернатора Кашгара в прошлом году, между тем выясняется, что убийство произведено не только им самим, но и солдатами. Теперь можно думать, что все убийцы должны сделаться даотаями.

Подробности убийства средневековы. Победленного распяли, и после двух дней распятия нынешний повелитель Хотана в упор выстрелил в него, так что кровь брызнула на победителя; с ним стреляли и солдаты его. Голову победенного выставили на базаре.

Пишу с болью за китайцев. Воображаю, как лучшие китайцы покраснеют за таких современников. Вспомним рассказы Свен Гедина³⁵, как китайские власти искали в его сундуках русских солдат. Как Фильхнер³⁶ давал подписку амбаню, что не имеет претензий за грабеж. Как бедствовал в Хотане Пржевальский. Как Козлов принужден был въехать во двор амбана с 20-ю казаками, и тогда беззаконие умолкло. Грустно сознавать и видеть, что новый строй государства не изменил мрачное средневековье. Пусть амбань справляется со своим носом без помощи платка — не в том дело, но пусть амбань хоть что-нибудь знает.

При досмотре вещей амбань много раз припомнил, что русские на маньчжурской границе у него разбили чайник; вся мелочная злопамятность сказала в этом сообщении. И еще русские совершили такое преступление! Подумайте только, они привили оспу жене даотая из Аксу! Это «кощунство» рассказывает с негодованием. При досмотре возмущенная Е. И. сказала амбаню, указавшему открыть яхтан с ее принадлежностями: «Смотри, амбань, вот мой корсет». Таким образом, жена даотая из Аксу была отмщена. Наш китаец возмущен и потрясен. У него на глазах — у него, у китайского офицера и дипломата, отмеченного в книгах, — у него на глазах отобрали и увезли оружие. Лишили экспедицию средств защиты. Он говорит: «Это работа разбойников». Приходят местные мусульмане и советуют, и предупреждают, и стараются высказать сочувствие. Можно представить, сколько приходится терпеть этим тихим людям, забытым и обезличенным. Можно представить, сколько приходится терпеть китайским студентам и молодежи, которая так чутка на грязь произвола.

Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать. Верблюды готовы. Старик китаец шепчет: «Велите конвойным солдатам, если у них винтовки, ехать впереди, а не сади — китайцы в спину стреляют».

Готово знамя экспедиции. Его повезут впереди. Сунг³⁷ сшил его, красное с желтым, и надпись черная: «Ло, Американский Художественный офицер».

Амбань про искусство вообще ничего не знает. Бек — монгольского происхождения — вежливо поучает его следующей старинной легендой: «В старое время в Куче жил знаменитый художник. Однажды он принес в залог свою картину, изображавшую кочан капусты и бабочку, и просил за нее 3 000 сар (т. е. 2 700 долларов). Мальчик, заменявший хозяина, выдал ему просимую сумму. Пришел хозяин. Возмутился, что за капусту и бабочку можно дать такие деньги. Выгнал мальчика и считал деньги потерянными. Наступила зима, и в указанный срок художник принес деньги и спросил картину обратно. Достали картину, хозяин, к ужасу, видит, что бабочка исчезла с картины. Художник требует картину по описанию в ее полном виде. Бедствует хозяин. Говорит художник: «Вот ты несправедливо выгнал мальчика, но сейчас только он может помочь тебе». Позвал хозяин мальчика. Тот держал три дня картину около огня, и бабочка опять выступила. И сказал мальчик: «Ты не ценил художника, но он настолько совершенен, что краски его имеют все качества природы. Бабочки являются в теплое летнее время. На зиму они исчезают. То же происходит и на картине. Лишь тепло огня вызвало бабочку к жизни и зимою. Так совершенен этот ху-

дожник». И хозяин устыдился и возвысил мальчика и сделал его богатым за его мудрость». Так поучает бек амбана. Но еще Будда в Сутрах сказал: «Самое большое преступление — это невежественность».

Почему-то Хотан все-таки считается торговым центром китайского Туркестана. Не видим нерва этой торговли. Живем на большом пути, разветвляющемся на Аксу, Куча и Дуньхуан — в провинцию Ганьсу, в глубь Китая. Но редко звенят колокола верблюдов. Редко окликают ослов. Таким шагом торговые вращения не создаются. Ковровое дело очень упало — условно и безжизненно. Собственно хотанские узоры совершенно выродились. Торговля нефритом пропала. И еще одна особенность, указанная древними авторами, исчезла. Исчезло пение, заменившись неистовыми криками. Перед таким пением пение ладакцев полно и ритма и свежести. Если люди перестают петь — значит они очень подавлены.

Дико подумать, что это тот самый Хотан, которому Фа-сиен³⁸ в IV веке нашей эры посвящал восторженный отзыв: «Эта страна счастливо благоденствует. Народ богат. Они все буддисты и находят радость в музыке. Здесь более десяти тысяч общинников, и почти все принадлежит к махаяне. Все они живут и питаются от общины. Селения раскинуты на большом пространстве, и перед дверью каждого дома воздвигнута небольшая пагода (субурган). Все очень гостеприимны и снабжают гостей всем необходимым. Правитель страны поместил нас в Гома-ти, принадлежащем к махаяне. При ударах в гонг все общинники собираются к трапезе. Все садятся в согласном порядке и хранят молчание, не стучат посудой... Часть из нас отправилась на Кашгар...»

До чего может меняться действительность! И очевидность не может соединить современный Хотан с его бывшим. Так же, как современная Аппиева дорога или дорога на Остию не ведут к настоящему римскому Риму.

Жаль, не ездил Фа-сиен дальше Кашгара по теперешнему русскому Туркестану. Ведь там везде, и даже в Персии, имеются следы буддизма, еще совсем не открытые. А Бухара есть не что иное, как Вихара, испорченное название буддийского монастыря. Юрий удачно в Париже раскрыл эту филологическую трансформацию. И Пеллио³⁹ вполне согласился с ним. Памир, Афганистан, Персия — всюду следы тех расцветов культуры, когда, как говорят хроники, «искусство было несравненно, и произведение творчества и книга были лучшим подарком».

1 января 1926 года.

...Вместо возможности тихо уехать из-под десницы даотая — новые оскорбления и бессмысленные неприятности. Вещи уже уложены. Верблюды готовы. Мы чувствуем радость покинуть опасный Хотан. Но первого января рано утром приезжает вестник даотая и конфузливо заявляет: «Г. даотай назначает вам ехать на Туанханг⁴⁰, а не на Кашгар». Мы говорим: «У нас отобрано все оружие. Ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники американцы едут на Урумчи. И в четвертых, сам даотай только что согласился на наш выезд на Кашгар».

Посланный улыбается: «Все это верно, но г. даотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Туанханг».

«Но ведь туда трудно ехать? Но ведь сам даотай сказал, что в провинции Ганьсу разбойники?»

«Совершенно верно, но г. даотай изменил свое решение и указывает вам путь через пустыню Туанханг».

«Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам».

«Поговорите сами с г. даотаем. Сегодня Новый год, и если хорошенько попросить г. даотая, может быть, он опять изменит распоряжение».

«Но мы не просить желаем, но хотим справедливости».

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к даотая.

Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, сделанный неисповедимо огромных размеров в виде гроба, несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор даотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: «Гроб», а сам даотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямен амбана. Знает, что творит пакости, за которые придется ответить.

Едем к даотая. Как полагается для действий трагического Гранд Гиньоль⁴¹, драма смешивается с балаганом. По пути встречаем шествие с бумажными драконами, ладьями, рыбами и всякой мишурой, идущее поздравлять нас с Новым годом.

Сидение у даотая превысило всякие меры терпения. Мы говорим ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщить с Нью-Йорком. Говорили о всех причинах и доводах. Но даотай ответил, что мы можем идти или через перевал Санжу обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Ганьсу (безоружными через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане. Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Даотай твердил свое, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, негоден. Неужели г. Чен-Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта? Но даотай ни о какой Лиге Наций вообще не слышал. Я указал, что ввиду таких оскорбительных отношений я желаю вообще уехать из Китая. Даотай твердил свое. Люди даотая хохотали за его спиной и показывали на его голову. Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай расстреливал нашу симпатию к Китаю. Вспомнился один наш знакомый прогрессивный китаец в Америке. Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: «А вы сами были уже в Китае?» Я ответил: «Собираюсь ехать». Он добавил: «Поговорим после вашего возвращения».

Вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием обращения к консулам Кашгара: «Экспедиция Рериха накануне отправления в Кашгар была арестована китайскими властями Хотана без всякого повода со стороны экспедиции».

Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в гор. Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае, если разрешение кашгарского даотая недостаточно, просим телеграфировать за наш счет генерал-губернатору области Урумчи.

Три причины заставляют нас срочно спешить, а именно: 1) Необходимость сообщаться с нашими представителями из Америки. 2) Необходимость видеть врача Шведской Миссии и 3) Необходимость получения денег в Кашгаре».

И вот будем сидеть. Письма наши могут прийти лишь через девять дней, если вообще дойдут. Нам уже вернули пять наших очень нужных и неотправленных телеграмм. Все становится действительно опасным, ибо власти всячески препятствуют нашим сношениям с Америкой. Оружие наше отобрано. Чего еще хотят лишить нас?

Прислали расписку в отобрании нашего оружия. Начинается она так:

«Даю сию бумагу в том, что против мне явился русский человек Хулизу другой имя Лолочу» и т. д. Оказывается, Хулизу значит Рерих и Лолочу тоже значит Рерих. Кто может разобраться в этой дьявольской бессмыслице и в таком искажении имени!

Знаменательно, что Америка опять совершенно игнорируется в этом манускрипте. Вообще, кажется, даотай более Колумба сомневается в существовании какой-то неведомой ему Америки, которую зовут Мекво.

Е. И. очень удручена. Она ехала сюда с таким открытым сердцем. Говорит: «Что же делать с человечеством? Ведь это не люди!» Юрий очень подавлен.

9

«Ведь тот Китай, который нам в музеях и на лекциях показывают, не имеет ничего общего с происходящим». Наш китаец совсем осунулся и молит более ни о чем не говорить, ибо могут убить. Все это становится опасным.

Е. И. вспомнила, что на днях было тридцатипятилетие моей художественной работы.

2 января.

Пришел купец, спрашивает о возможностях торговых сношений с Америкой. Но какие же тут сношения, если Хотан так враждебно встречает именно приезжих из Америки. Ни въехать, ни выехать. Вот так торговые сношения!

Чем враждебнее относятся к нам власти, тем сочувственнее стремится к нам народ. Предлагают вернее отправить наши обращения к консулам. Люди наши искренне возмущены, особенно за отнятие оружия. Говорят: «Никогда они оружия не отдадут». Три китайца советуют ехать по русским дорогам. Высказывается предположение, что власти, по обычаю, хотят вымучить крупную взятку. Наш случай толкуется всячески на базаре. Сегодня бек поехал сопровождать Юрия даже на верховую поездку. Значит, надзор за нами еще усилен.

Записываю подробности, ибо все это для кого-то очень пригодится. Действительно поучительно! У нас паспорт от пекинского правительства, особое рекомендательное письмо от китайского посланника в Париже, прекрасное письмо от консула Соединенных Штатов в Калькутте, письмо от Виктории и Альберт музея в Лондоне, письмо от Археологического общества в Вашингтоне, письма от шести учреждений в Соединенных Штатах. С нами китаец, бывший офицер и дипломат. С нами книги, изданные о моих картинах. С нами паспорта — английский, французский, русский. И со всей этой библиотекой все-таки вы рискуете попасть в призывол опасных самодуров. Ведь все это очень поучительно.

Сейчас принесли новое «достоверное» базарное сообщение. Видите ли, у нас при обыске найдено много скорострельных пушек. Завтра сочинят, что мои картины — это крылья аэропланов. Говорят о русском, идущем из Тибета на ста конях. На поверку выходит, все это о нас же.

10 января.

Какое же сознание прибавляет наше сидение в Хотане? Становится еще раз ясным, что жизнь, подобная жизни Хотана, существовать не должна. Подумайте, жизнь ста тысяч людей превращена в беспросветную тьму. Из тьмы рождаются болезни, пороки, ложь, предательство и невежество. У людей осталась одна торговля, мелкая, добываемая обманом и предательством. Понятие о качествах продукта умерло. Понятие о срочности работы погибло. Понятие о победе труда — опустошено. Идет погрязание в слизи луж базара и взаимное удушение. Так продолжаться не может.

Лама, предупреждавший, что «китайцы иначе и не поступают», предсказывает еще одно обстоятельство. Он говорит: «Когда они увидят, что дальше идти нельзя в наглости и в жестокости, они будут уверять, что вообще ничего не было, что нам все только показалось, а они всегда были друзьями. Обратите внимание, что они все передают устно, и запуганные беки откажутся от всего ими виденного и слышанного. Единственное доказательство — это расписка в отнятии оружия».

Вы, строители нового Китая, уберите скорее «зубров». Место им — в зоологическом саду. Молодые борцы, вас зовем!

13 января.

Пришла телеграмма: «Вашингтон принимает необходимые меры». Но оружие все унесено, а без оружия я не выхожу на этюды в чужих странах. Имею много опыта и оснований к этому. Не только люди, но и одичалые псы научили этому

обычаю. Разве не нагло лишать всех средств защиты. Были всякие случаи притеснения экспедиции, но такой акт в литературе неизвестен. Возлагаю на правительство Китайской республики ответственность.

15 января.

Пришла телеграмма из Америки, так исковерканная, что никакого смысла понять невозможно. Невидимые друзья с базара принесли весть о крупной ссоре между даотаям и амбанем.

И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Надо. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрейя. Вот сведения о том, что часто правитель области Китая просто не признает денег своего предшественника. И люди не знают, в чем держать деньги. Из будней рассуждение восходит к проблемам общественного строя. Бывают времена, называемые «шар событий», когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем некое зеркало, и отражения его неизменно являют звенья одной спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец — затворник горных обителей уверенно изображает битву и победу Майтрейи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих. И спокойно неоспоримо подписывает посвящение: «Почитание Владыки закона, славному Владыке Северной Шамбалы⁴²». В Бурхан Булате будет храм Шамбалы.

17 января.

Власти углубляют преступность свою. Амбань начал вскрывать пакеты, нам адресованные. Сегодня вскрыт пакет из шанхайского банка. Скажем ему: «Не забудьте, амбань, что именно статуя Свободы открывает путь в сердце Америки. Теперь весь Хотан знает о получении нами денег, а вы и даотай лишили нас всех средств самообороны».

Амбань сообщил, что есть приказ из Урумчи вскрывать все письма и отнять оружие, но что взамен оружия нам дадут стражу из солдат. Отвечаю ему, что мы не можем доверять их солдатам. А между тем три года назад именно американская экспедиция должна была отстреливаться от нападения стаи овчарок. Ставлю на вид амбаню, что оружие, им схваченное, принадлежит американским учреждениям, но опять Америка совершенно игнорируется им. Не успел амбань доехать до города, как в подтверждение моих замечаний о страже к нам прискакал секретарь от даотая, прося помочь в тяжком хирургическом случае: два ближайших телохранителя даотая стреляли друг в друга. Конечно, мы не хирурги. Оказывается, офицер стражи даотая крал вещи, другой стражник открыл это, и в результате — два тяжело раненных. И вот из этих воров и убийц даотай хочет составить нашу стражу. Наш старик Цай-Хань-Чен говорит: «За вскрытие чужого письма в Китае прежде полагалось выколоть глаза и отрубить руку, но здесь не офицеры, а разбойники». Поучительно будет посмотреть, какова в Урумчах центральная власть всей провинции Синьцзян.

18 января.

Выпал первый снег. Е. И. кормит птиц. Масса пестрых птичек окружила ее. Индусы часто кормят птиц в течение зимних месяцев.

19 января.

Получено письмо от английского консула в Кашгаре. Видимо, там начали хлопотать, чтобы мы могли выбраться из ужасного Хотана.

20 января.

Письмо от английского консула. Сообщает, что по ходатайству его и кашгарского даотая генерал-губернатор приглашает нас немедленно ехать в Кашгар. Посмотрим, как и когда известят нас здешние «правители».

К вечеру амбань через Худай-Берды-Бая коротко уведомил, что получено от генерал-губернатора разрешение нам ехать на Кашгар. Даже приказы генерал-губернатора сообщаются через частную записку частного человека. Вот так организация! При первом свидании я говорил даотаю, что Акбар Великий называл путешественников лучшими послами его государства и всегда заботился о их добром отношении. Могу теперь сказать даотаю: «Вот, Ма-тажен, три месяца вы деятельно создавали наше настроение, и я не скрывал от вас, что буду описывать все происходящее. Конфуций заповедал, что на сделанное зло надо поступать по справедливости. Китай — страна конфуцианства, и, по Конфуцию, я должен написать на вашем портрете: Ма-тажен — невежественный и жестокий дикарь». А по учению Будды, невежественность объявлена «величайшим преступлением». И тот же мудрый Конфуций отверг всех восстающих против искусства и знания. Между тем все мы ехали с искренним желанием занести в списки о том, что власти республиканского Китая стали просвещеннее, нежели во времена упадка империи. И теперь опять пытливно будем всматриваться в глаза новых властей, не притаился ли у них за плечами невежественный Ма-тажен?

Приходят местные бородачи потолковать о всякой всячине. Конечно, истинное намерение сразу не сказывается. Конечно, хотят слышать об обычаях новых русских. Соглашаются, что обычаи хороши, что все древние учения заповедали эти обычаи. Согласны, что все люди должны трудиться. Все хорошо, и чай пьется согласно. Но вот один тащит из-за пазухи номер английской газеты с перепечаткой рисунка из «Безбожника». Аллаху там тоже досталось. Бородач «наивно» спрашивает: а ведь, кажется, это аллах? Конечно, не скроешь. И конец беседы выходит кислый: «Мы ведь Ленина не трогаем, даже хвалим, а зачем вы нашего аллаха обижаете? Да и читали ли вы коран? Можете ли все ошибки приписать корану? Сам Ленин не обижал бы нас, мусульман. Нас много, а Ленин хотел, чтобы всем хорошо жить было». Вовремя Молдовак⁴³ достал газетку, и четко отпечатали в Лондоне клише. А рисунок-то к тому же не из важных и вовсе неубедительный. Кисло ушли бородачи...

В Каире около наполеоновских ядер, торчавших в стене мечети, я спросил проводника: «Отчего вы не уберете эти следы варварства?» Было отвечено: «Мы будем хранить этих свидетелей варварства Европы». Сколько таких меморий сохранит Восток! Ничего не забыто. Пряжа мира должна быть начата вновь.

Ленин спросил представителя японских газет: «Применяются ли в Японии телесные наказания для детей?» И на ответ, что не применяются, сказал, что Япония великая страна. Действительно, справедливы ли многие нападки на Японию? Мужество и честь самурая, война, героизм и самоотверженность женщины, углубленный труд рабочего и земледельца дают несомненное очарование Ниппону. С японцами у меня никогда не было столкновений. Наоборот, являлись чуткие японские друзья. Вспоминаю мои давние статьи о Японии. Не откажусь, но даже усилию многое сказанное. Елисеев в Париже рассказывал о методах учения в японских монастырях. Очень замечательно. Неожиданные вопросы и требования, чтобы в ответе была наименьшая примесь личного. Стоит живым эпизод японской драмы: убийцы крадутся убить царевича. В безысходности кормилица царевича подменяет своим ребенком. Потрясающе тонка экспрессия ее холодно-официального плача над предполагаемым царевичем, когда ее материнское сердце разрывается от горя.

23 января.

...Теперь у властей забота, под каким предлогом вернуть нам арестованное оружие, чтобы свести все к неуловимому устному изложению и сказать: «Все бывшее — это фантазия путешественников». За три месяца мы прошли отличную школу. Кое-что из пройденного нами курса остается все-таки неясным. Например,

для чего власти всячески препятствовали нашим сношениям с Америкой и вернули неотправленные телеграммы, тогда как всем известно, что через Кашгар и через английского и русского консула всегда можно сношиться. Местные люди нас сразу предупреждали не верить властям. И на наш вопрос, почему, ибо мы ничего худого не сделали, местные бородачи твердили: «А потому, что они дураки». Но ведь и в действиях отъявленного глупца есть же какой-то, хотя бы извращенный смысл. Значит, здесь скрывается не одна глупость, а также и преступность.

28 января.

С семи утра собирали караван... Ясно, что места, подобные Хотану, изжили все свои старые соки и могут обновиться лишь коренным потрясенем. Китайцы сидят за глиняными стенами китайского города. Кооперации с населением у них нет. Они остались случайными пришельцами, угнетателями и не думают помочь стране хотя каким-нибудь улучшением. Запылилась жизнь, запылились мозги. Нужна искра сильной молнии.

Карашахр — Урумчи

(1926)

28 марта. Карашахр в переводе значит Черный город. Урумчи китайцы называют Храм красный (Хун-мно-дзы).

На этом пространстве — земли торгоутов и хошутов⁴⁴. Странна судьба калмыков. Народность разбита самым непонятным образом. В китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край, торгоуты — Карашахр, хошуты — Джунгарию, ойраты — в Монголии, намсоки — в Тибете. Также калмыцкие улусы рассыпаны по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Аиша.

Встретили несколько красивых карашахрских коней. Это именно та порода, которая встречается на старинных миниатюрах и на статуэтках старого Китая. Некоторые ученые считают эту породу исчезнувшей, но вот она перед нами, живая, караковая и твердая на поступь. Хорошо бы России и Америке исследовать эту породу.

Завтра едем в ставку калмыцкого хана.

Еще не настал вечер, как наступила новая синьцзянская гадость. Приезжает взволнованный С. и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками?! Спешим к даотаю. Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит все нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань «бояится за большой снег по горной дороге». Мы объясняем, что теперь снега уже нет, что нам не надо идти через высокий Теке-даван, что мы пойдем через более низкий Сумун-даван.

В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбана вовсе не белого цвета. Каждый день способны испортить китайцы, каждый день подобные китайцы способны превратить в тюрьму и пытки. Ждем вечер и готовимся все-таки к отъезду. Пришли торгоуты, вернувшиеся из Кобдо

11

Пришел хошутский лама. Просит полечить глаза. Принес ценные рассказы. Не сказки, но факты. Нужны факты. Лама из Улясутая написал книгу о наступлении времени Шамбалы.

Вечером пришел ответ. Принесли его племянник даотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путем идти через горячий Токсун. Е. И. заявляет, что она умрет от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их генерал-губернатора сердце маленькое.

Составляем телеграмму генерал-губернатору:

«Будьте добры указать магистрату Карашахра разрешить экспедиции Рериха следовать в Урумчи горной дорогой. Здоровье Е. И. Рерих не позволяет продолжать путь по знойной песчаной пустыне длинного пути. Горная дорога гораздо скорее позволит дойти до Урумчи»...

Отвратительно это чувство поднадзорности и насилия. Какая же тут работа, когда за спиной стоит приказ амбана и когда у генерал-губернатора «сердце маленькое». Испорчено все настроение, и опять сидим в каком-то китайском средневековом застенке.

29 марта. Встали с зарею. Все наши люди торопятся уйти раньше, чтобы китайцы не успели выдумать новых затруднений...

30 марта. Ясное утро. Лиловые горы. Будет жарко. Четкость гор и строевой несколько напоминает Ладак. Можно бы радоваться, но опять является китайская гадость в лице конвойного солдата с наглым заявлением, чтобы мы здесь долго не задерживались и что лучше бы нам ждать приказ ду-ту⁴⁵ в Карашахре, т. е. среди навозных полей, среди пыли и духоты. Истинно, от всех предложений китайцев можно задохнуться. Теперь уже конвойные солдаты стали делать замечания. Лучше бы они караулили арестованное оружие наше, которое брошено на пол без призора...

Друзья, вы будете думать, что я в чем-то преувеличиваю. Я рад был бы уменьшить что-нибудь, но происшествия чудовищны. Опять пришла толпа калмыков с китайскими солдатами и передала требование о нашем немедленном выезде из ставки по указу карашахрского даотая. Шумели, грозились. Значит, ни работать, ни посетить Шарсюме нельзя. Вся цель экспедиции исчезла. Надо только мечтать скорей покинуть китайскую территорию. Через два часа идем требовать обратно наши паспорта и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашахрского даотая по обвинению нас в съемке карт. Дают и арбы, только бы скорей нас вывезти. Говорю, что мне 52 года, что я был почетно встречен в двадцати трех странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке из территории полунезависимых торгоутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство — вопреки всем обычаям Востока выгнать гостей! И куда же мы пойдем? В жару Токсуна? И вынесет ли Е. И.? Именно жару сердце ее не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей?

Над горами — буря.

3 апреля. Сильно студено ночью и жарко в полдень. Желтая степь. Пыльная каменистая дорога. На север — гряда туманных гор. Доходим до грязного местечка Уштал. Опять нужно стоять около скотных дворов. Из этого местечка проходит хошутская дорога на Урумчи. По хошутской дороге всего четыре дня до Урумчи, но мы по приказу генерал-губернатора должны идти долгой, пыльной, жаркой, некрасивой дорогой целых восемь дней. Такова китайская жестокость, чтобы заставить путешественников идти по пыли в духоте и знать, что тут же

рядом краткая дорога, полная горных красот. Недаром ни один из виденных нами даотаев и амбаней не мог назвать ни одного знаменитого современного китайского художника или ученого.

Представьте себе наше ощущение видеть ущелье, через которое идет короткая дорога, а самим ползти в облаках жаркой пыли.

Еще вариант легенд о Турфане. «Из пещеры вышел высокий человек и пошел на базар что-то купить. За покупки предложил заплатить золотыми монетами стариною в тысячу лет. Затем человек ушел в ту же пещеру и пропал. А у входа стоит каменная собака. Хотела она вскочить в пещеру за человеком и окаменела».

7 апреля. По бесчеловечью генерал-губернатора идем жарким ущельем. Разнообразные песчанниковые формации, но все это в Ладаке гораздо красивее. Среди песков вдруг ярко зеленеет каемка травы. Значит, из скалы неожиданно бьет родник звенящей воды и растекается по песку. Конечно, можно бы легко собрать драгоценную влагу в обработанное русло, можно бы легко починить каменистую дорогу, но, конечно, улучшение края не входит в круг занятий китайской администрации. После небольшого перевала входим на палящую равнину. Е. И., задыхаясь от жары, говорит: «Это не губернатор, а старое чудовище». Действительно, заставить иностранцев получить четыре дня лишней палящей дороги — бессмысленно и бесчеловечно. Все равно что сказать американцу: «Можете ехать из Нью-Йорка в Чикаго только через Новый Орлеан». Вообразите негодование пассажира. Среди песков, среди молочной мглы синее Токсун. Всего на день пути лежит Турфан, и из его девятисотфутовой ямы пышет жар. Как легко представить себе, что летом в Турфане даже местные люди умирают от жары!..

8 апреля. По бесчеловечью генерал-губернатора провели безобразный день. Тянулись знойной каменистой пустыней. На горизонте трепетал жаркий воздух. Уплотнились далекие несуществующие озера. И таяли миражи. И превращались в серую беспощадную равнину. В зное потонули далекие горы. Только подумать, что сегодня мы уже были бы в Урумчах. Уже читали бы вести из Америки. И по самодурству чудовища еще целых три дня будем топтать ненужное нам взгорье. Будем стоять в лангаре Паша Сайган.

В пути думалось: неправы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободренные пещеры. Но, когда придет время обновления Азии, разве она не спросит, кто же это обобрал наши сокровища, сложенные творчеством наших предков? Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения? Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели на погиль от индусского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами. Иногда части монументальных сооружений нагромождены в музеи, не передавая их первоначального назначения и смысла. Прав наш друг Пелли, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая их. Пусть свободно обращаются по планете отдельные предметы творчества, но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушаема. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски увезены им в Лондон и Дели. Голова Водисатвы⁴⁶ — в Лондоне, а расписные сапоги его — в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое прежде всего очищает, и оберегает, и восстанавливает? Что бы сказал ученый мир, если бы фрески Гоццоли⁴⁷ или Мантеньи⁴⁸ были бы распределены таким «научным» образом по различным странам? Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободренные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей.

Сегодня за весь день мы видели один маленький караван ишаков и одного всадника. Мертвое молчание большой дороги прилично лишь омертвелости современного Китая. Придет молодежь, и зацветут пустыни.

72

В яхтанах растопились свечи. Желтое солнце заходит за янтарную гору. Завтра должно стать прохладнее — зайдем за горы в первую зону алтайского климата.

9 апреля. Идем последними отрогами Небесных гор Тянь-Шаня. Минуем дорогу на Турфан. На распутье старая китайская стелла — плита с полуистертыми надписями и орнаментами. Там давно, в глубине столетий, кто-то заботился о видимости пугевых знаков. Дальше дорога наша разветвляется. Один путь идет через перевалы, а другой — рекою с пятнадцатью переездами через воду. Люди наши долго, как государственное дело, обсуждают направление пути. Совет решил идти нам перевалами. Все говорится так серьезно, что мы можем думать о серьезности перехода. Но ожидания напрасны. Оба перевала очень легки и не годятся ни в какие сопоставления с Ладаком и Каракорумом. Спускаемся с гор к небольшой реке. Видны развалины старого форта. На черно-синем фоне гор светится неожиданная светло-золотая песчаниковая вершина. Нам говорят: «Там живет святой человек. Прежде он показывался людям, а теперь его никто не видит. А знаем, что живет там. И стоит там как бы часовенка, а только дверей не видать». Так сеется легенда.

Опять идем узким кочковатым проселком, и никто не поверит, что это самая большая и единственная артерия целой области с метрополией. Чудовищно и странно видеть такое одичание целой страны. Одно хорошо: мягкие колокола длинной вереницы верблюдов. Истинные корабли пустыни.

Стоим в Топан Чен (Город перевала). Шли одиннадцать часов. Е. И. даже поцеловала свою лошадку. До Урумчей осталось двадцать два потая⁴⁹. Днем очень жарко. Необычно мерцают звезды. Первый раз слышали гонги в китайском храме.

10 апреля. С вечера начался буран. Укрепили палатки всеми гвоздями. Навалили вокруг яхтаны для тяжести и плохо провели ночь в трепещущем домике. Часа в два ночи в храме звонили гонги, но так и не пришлось узнать, какая это могла быть ночная служба. С утра шемаль даже усилился. Все ушло в серо-желтый сумрак. Горы исчезли. Весь переход движемся против свистящих волн вихря.

Серая пустыня с белыми прослойками соли. Двигутся клубы пыли, и выют хвосты коней. Легко представить, что вихри Азии могут перевернуть грузеную, в пятьдесят пудов арбу или остановить тройку коней. Особенности трудности были с установкой палаток в грязном местечке Цей-О-Пу. Шатры развевались на ветру, все дрожало, и слой сора мгновенно засыпал все. И вот сидим среди глухих ударов вихря, среди слоя песка и мусора. Зачем нам нужно пройти через этот свирепый шемаль, когда уже три дня мы могли быть в Урумчах? Видно, ду-ту хотел показать нам свою страну в полной безнадежности. Глаза наполняются пылью, и на зубах хрустит песок. По гулу и по ударам ветра мне напоминает наш последний переезд по Атлантике, когда в объявлениях писали о «большой буре».

Иногда строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана. К вечеру шемаль не унялся, как надеялись караванчики.

11 апреля. Рассказывают, вот отчего здесь вихри: «Китайское войско гналось за калмыцким богатырем. Сильный был богатырь. Вызвал себе на подмогу вихрь с гор и сам ускакал, а вихрь разметал китайскую силу, и некому было задержать вихрь. Так он здесь и остался».

Сегодня часть горизонта очистилась. Блеснули слабые очертания гор со снежными гребнями. Внизу блеснули стальные озера, окруженные белыми каймами соли. Вихрь остался. Заледенело за ночь. Вместо шемалья стал сибирским студеным сиверко. Щиплет щеки и слезит глаза. Достали щубы. Видно, надо испробовать все особенности местного климата. Пустыня сменяется оголенными

серо-желтыми молчаливыми буграми. Вдали голубятся горы. Путь не близкий. Судя по времени, потаев четырнадцать. Нажег вихрь щеки. Далеко между двумя холмами указали нам Урумчи.

12 апреля. С утра люди отказались переезжать за город в юрты. Боятся нападения грабителей. Поехали с Юрием и Кавальери к Чжу-да-хен (знающему русский язык), к Фаню⁵⁰ (заведующему иностранной частью) и к самому ду-ту. Долго ехали китайским городом. Тройные стены. Длинные ряды лавок. Продукты разнообразнее, чем в Кашгаре. Кавальери — симпатичный итальянец, завезет почтой. Изумляется всем нашим происшествием и советует нам ехать на Чугучак через Сибирь — в Японию.

Чжу-да-хен — молодой китаец, отлично владеет русским. Улыбается, возмущается поступками в Хотане и в Карашахре и уверяет, что он готов помочь. Ведет нас к Фаню и ду-ту. Следует через всякие ворота и закоулки. У обоих дигнитариев⁵¹ пьем чай. Оба подкладывают нам сахар и уверяют, что в Хотане и Карашахре сделаны властями ошибки, что мы великие люди и потому должны простить малых людей. Уверяют, что более ничто подобное не повторится и мы можем быть совершенно покойны в Урумчах. Но о расследовании — ни звука. Едем обратно через все длинные базары. Ряды ситца, шорных изделий, дешевой посуды и лубочных картинок. А дома Е. И. встречает нас с сюрпризом: именно в то время, когда ду-ту заверял нас в своей дружбе, содействии и благожелательстве — именно в ту минуту у нас был сделан подробный обыск полицейстером в сопровождении татарина переводчика. Опять Е. И. была допрашиваема о наших художественных работах, опять вся нелепость была проделана от начала до конца. Как же можно верить уверениям ду-ту?

После обеда иду к консулу Быстрову⁵² просить устроить проезд через Алтай, через Сибирь. Ответ может прийти через две недели. Найти лучшую квартиру нельзя — все дома переполнены.

Сегодня я сказал трем китайским высшим чиновникам так: «Мне 52 года. Я был встречен почетно в 23 странах. Никто в жизни не запрещал мне свободно заниматься мирным художественным трудом. Никто в жизни меня не арестовывал. Никто в жизни не отнимал от меня револьвера как средства защиты. Никто в жизни не высылал меня насильственно в нежелательном мне направлении. Никто в жизни не вскрывал самовольно моих денежных пакетов. Никто в жизни не возил вместе со мной арестантов. Никто никогда не обращался со мной, как с разбойником. Никто никогда не отказывал принять во внимание просьбу пожилой дамы, основанную на вопросе здоровья. Но китайские власти все это проделали. Теперь наше единственное желание — как можно скорее покинуть пределы Китая, где так оскорбляют мирную, культурную экспедицию Америки».

Все это сказано. Генерал-губернатор и вице-губернатор не возражают. Уверяют, что в Урумчах нас никто не тронет, а за спиной именно в эту же минуту проделывают обыск, и Е. И. должна бессмысленно раскрывать ящики и сундуки. Улыбайся! Ведь мы не в молодом Китае!

13 апреля. Вы спросите: «Отчего гниет Китай?» — «От беспринципности и бесчеловечности». Спросите: «Вы, кажется, разлюбили Восток?» — «Вовсе нет, наоборот. Но во имя справедливости мы должны отличать молодые жизненные побеги от сухих ветвей. И сухие ветки должны быть отсекаемы для спасения общего блага». Совершается в Китае великий процесс.

14 апреля. Интересно было бы подойти ближе к психологии местной власти. Есть тут так называемые генералы и министры финансов, промышленности и просвещения. Надо надеяться, что нет министра путей сообщения, иначе чем бы объяснить отчаянное состояние дорог. Как просвещает народ министр просвещения? И где она — таинственная система промышленности? Когда министр промышленности спросил одного больного о состоянии его здоровья, тот сказал: «Так же, как и ваша промышленность». А ду-ту «скромно» заявляет, что благодарное население поставило ему памятник за процветание края.

Рерихи в советском консульстве. Урумчи. 1926 год.
 Первый ряд, первый слева Ю. Н. Рерих, третий —
 советский консул А. Е. Быстров, четвертый — Н. К. Рерих.
 Второй ряд — первая справа Е. И. Рерих.

15 апреля. Рассказы о ду-ту. Пекинское правительство неоднократно пробовало смещать его, но хитрый ду-ту собирал подписи местных баев и в Пекин следовала составленная им петиция населения о том, что лишь присутствие Янь — ду-ту обеспечивает спокойствие области. Но спокойствие области ду-ту подобно смерти. Правитель утверждает, что построение фабрик и расширение производств создаст класс рабочих, а потому не следует развивать производства и строить фабрики.

В 1913 году правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Потому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных.

Конечно, сборы на постройку памятника ду-ту были произведены по всему краю насильственной подпиской. И от «благодарного населения» появилась безобразная медная фигура с золочеными эполетами и звездами. Для улучшения нравов своих чиновников ду-ту запрещает им выписывать иностранные и лучшие китайские газеты. Чудовищно видеть все эти средневековые меры в дни эволюции мира. Немногим чутким молодым чиновникам приходится очень тяжело.

17 апреля. Среди долгих путешествий ускользают целые события. Только что мечтали о поездке на остров Пасхи, а здесь говорят о гибели этого острова три года тому назад. Неужели гиганты Атлантиды уже навсегда погрузились в пучину, а поток космоса, эта сантана буддизма, совершает свое непреложное течение? За время наших хождений по горам и пустыням какие-то звезды из мелких сделались первоклассными величинами. Еще опустился в море какой-то остров с десяти тысячным населением. Усохли озера, и прорвались неожиданные потоки. Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества. Вчерашняя «недопустимая» сказка уже исследуется знанием. Испепеляется отброс, и зола питает побеги новых завоеваний.

В тишине фактории Урумчей консул Быстров широкоохватно беседует о за-

даниях общины человечества, о движении народов, о знании, о значении цвета и звука... Дорого слушать эти широкие суждения. Одни острова погрузились в пучину, и вознеслись из нее другие, мощные.

18 апреля. Хороший разговор с Быстровым. Истинно, можно поражаться широте взглядов его.

От Богдо-Ула поднимаются тучи. Холодает к вечеру. Надо будет найти время и съездить в старое Урумчи, которое отстоит за 10 верст. Там-то и есть тот красный храм, по которому называется новый город. К вечеру — игра в городки. На дворе консульства толпа народа. Качели, гимнастика, гигантские шаги. Русские, мусульмане, дунгане⁵³, китайцы, детишки. Там же предполагено устроить клуб. Просто, по-человечески. Весело смотреть.

19 апреля. Похолодало. Это не спасло бога воды от большой неприятности. Ввиду бездождия генерал-губернатор приказал вынести водного бога из храма и отрубить ему руки и ноги. Когда-то мы читали о дикарях, секущих своих богов за нерадение, но оказывается, эти дикари живут в Урумчах и ими предводительствует генерал-губернатор, считающий себя магистром китайских наук. Но кто знает, просто ли бог лентяй? Не было ли у него зловерных мыслей возбудить народ против генерал-губернатора? При таком количестве богов можно ожидать всяких группировок, вредных для правительства. Местные обыватели настолько привыкают к подобному правлению, что самые странные факты им начинают казаться естественными. Нельзя строить фабрик — это естественно. Нельзя добывать нефть — естественно. Нельзя получать газеты — естественно. Нельзя иметь врача — естественно. Все становится естественным.

Из горных щелей выются струйки дыма — это ползет подземный пожар угля и гибнет ценнейшее достояние края.

23 апреля. Какой чистый воздух сегодня! После смерти Ленина Е-Чин-Бен писал: «Народы многих называют славными героями, но в сущности, только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был Ленин, пользовавшийся всеобщей любовью. Ленин — «яркая звезда человечества» и может быть сравнен с Сакия-Муни и с Христом. Небеса безжалостны; он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно». Есть же где-то светлые и смелые и честные китайцы, но ведь мы-то их не видим. А так хотели бы увидеть!

24 апреля. Получили приглашение от комиссара по иностранным делам Фаня на обед завтра. Разве это не лицемерие? Если это «искусная» дипломатия, то она вовсе не искусна, ибо умное действие познается по результатам. А, конечно, лицемерный обед не может исправить отношения. Лучше бы разрешили побывать в буддийских монастырях. Кстати, оружие наше отобрано и так и не возвращено...

25 апреля. Плавники акулы, древесные грибы, водоросли красные и белые, бамбук, семя лотоса, голубиные яйца, трушпанка и много других слизких и скользких блюд. Подсахарились сладким рисом и розами. Кончили. В павильоне генерал-губернаторского сада три стола. Один весь китайский. Другой весь мусульманский, без ингредиента свинины. Третий — международный, где Китай, Россия, Америка, Германия, Голландия, Италия. Сам Фань — хозяин, ничего не ест. Объясняет своим строгим вегетарианством. Его водорослеобразное лицо улыбается; вероятно, он глубоко ненавидит всех иностранцев и полон самого тонкого лицемерия. Неужели Фань думает, что нелепый обед смывает все сделанное хотанскими и карашахрскими властями? Ни единого слова о расследовании не произнесено Фанем. Где же она — политика и дипломатия? На лице лишь лицемерие, такое явное, такое неприкрытое. После обеда топтание около пруда, где стоят на мели две джонки. Потом низкие поклоны Фаня.

14

27 апреля. Характер переговоров с Фанем. Ему говорят, что данная река течет на восток, а он говорит, что на запад. Ему ссылаются на карты, а он твердит свое. Ему указывают на личное свидетельство, а он твердит свое. Так — вопреки очевидности, вопреки картам, вопреки фактам. Попробуйте делать договоры при таких условиях.

28 апреля. Целый ряд сведений: о иезуитстве ду-ту и как он освобождался от неприятных ему чиновников, поражая их в спину. Вчера ду-ту запретил постановку памятника Ленину⁵⁴ на дворе консульства. Даже на внутренней территории консульства ду-ту пробует распоряжаться. Так, так! Также ду-ту протестует против качелей, гигантских шагов и игры в городки во дворе консульства. Протест объясняется заботой о неприкосновенности консула. Опять лицемерие, грубое, неприкрашенное! Это уже не лакированная старая китайская работа, а гримаса испорченной маски.

Наконец ду-ту проведился и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Еще очень опасные занятия на дворе консульства — теннис. Не будет ли конфликта «водяного бога» и с этой противозаконной игрой? Где-то кто-то не знает о фетишизме ду-ту...

1 мая. Первомайский праздник в консульстве. В 12½ час. обед с китайцами. Двор консульства удачно и цветно, красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым присмотром мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит усеченная пирамида — подножие запрещенного памятника Ленину. Невозможно понять, почему все революционные плакаты допустимы, почему китайские власти пьют за процветание коммунизма, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии.

Работа объединения, произведенная консулом Быстровым за полгода, поражающая. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого ду-ту, который счел за благо «заболеть» и предпочел послать вместо себя своего девятилетнего сына. Против нас сидит Фань. Ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат ду-ту — старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за либеральные воззрения. За обедом первым наполнил комендант крепости. Начал безобразить: разбил несколько рюмок, толкнул даму и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот взрыв мороженого заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удален посредством полицейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущен поведением коменданта девятилетний сын ду-ту. У него даже слезы выступили от негодования. Он забрал с собою разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу. Китайцы дружно чокались за процветание коммунизма. Думалось: что они коммунизму и что коммунизм им?

Молодой хор спел несколько песен. Еще раз все потянулись к Быстрову с приветом. Гурьбою уехали китайцы. Е. А. Плотникова⁵⁵ говорит мне: «Ведь мы, бывало, ходили смотреть на вас в щелочку, когда вы приходили к Куинджи». Оказывается, она знала и Архипа Ивановича и жену его Веру Леонтьевну. И вот в Урумчах мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные, свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память о Куинджи.

Так обидно, что имя Ленина не успели написать на подножии «запрещенного» памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени.

После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предположено ставить мусульманские и китайские.

Совершенно так же, как во время Пржевальского, сарты мечтают освободиться от ига китайцев старого типа со всеми их поборами и притеснениями. Так же точно стоят еще дунганские могилы, свидетели «покорений китайских». Так же точно вспоминают люди Якуб-бека⁵⁶, кратко мелькнувшего в сознании сартов⁵⁷. Так же точно берегут сарты мечту о свободе. Так же точно гнездятся дряги яшенов. Так же точно криводушничают амбани, близоруко не отличая друзей от врагов. Так же точно поет бакша⁵⁸ песнь о бывших подвигах... Бывшее, бывшее, бывшее, дошедшее до края порога будущего. Скажем нашему знакомому китайскому свободомыслящему студенту: «Скорее установите новый порядок!»

3 мая. Приехал из Кобдо Цампа-лама, караван свой в 30 верблюдов оставил в Гучене. Был сам немедленно вызван к ду-ту, имел длинное совещание и был поселен в ямене, что делается лишь для чинов не менее даотая. Ждут приезда двух чиновников из Кобдо. Два монгольских ламы по-прежнему остаются под арестом. Слухи, дошедшие в Карашахре, подтверждаются. Сведения от Быстрова: получена телеграмма от Чичерина о проездной визе. Значит, около 15 мая можно будет тронуться.

4 мая. Бедному богу воды все-таки отрубили руки и ноги за нерадивость. Не успели отрубить, а дождь и пошел. Неужели китайский бог нуждается в таких суровых воздействиях? Пошел дождь со снегом, и улицы Урумчи превратились в черное липкое болото.

Пришли Быстровы, Плотниковы, Яковлева, Зенкевич, Алейников, Пурины, Краузе⁵⁹ и другие посмотреть серию «Майтрейя». Какне хорошие люди все они.

5 мая. В Туркестане один мулла приказал за непосещение мечети вылить сорок ведер воды на темя «правоверного». После семнадцатого ведра неисправный «правоверный» умер. Однако что же делать с таким мышлением?

Все пошло как-то быстро. Уже нашлись возчики. Теперь надо решить путь. Предлагаются три комбинации. Одна — на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на восток. Вторая — Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск, Москва. Третья — Тополевый мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск, Москва. Заманчива третья комбинация, где едем пароходом по Иртышу среди долистных и холмистых далей.

14 мая. Дали паспорт до Пекина длиною в мой рост. Этакая нелепость — писать в паспорт число и описание всех вещей. Сколько изменений за дорогу произойти может. Китайцы Синьцяна, зачем вы так показались нам?

16 мая. Все-таки выехали. После всяких препирательств с возчиками кое-как погрузились.

Провожают Быстровы и все хорошие люди из состава консульства и Госторга. Правда — сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке в пяти верстах за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними, и разъехались.

17 мая. ...Вспоминаем Быстрова — исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со всеми Георгиями, на войне с 1914 года, природно богато интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Россия может гордиться такими новгородцами. Вспоминаем всю дружную группу из урумчинского консульства.

21 мая. Поднялись в 1 час ночи. В темноте при начавшемся бурене вышли в три с половиной. Горы скрылись. Облака пыли. Прогрели на равнине крупной гальки. В час дня пришли в Шихо, пробежали 16 потаев...

В Шихо во двор бывшего русского подданного нас не пустили. Ренегаты всегда особо усердствуют. Качество дороги здесь гораздо лучше, нежели в Кашгаре, Аксу — Токеун. Из широких пространств гальки можно легче легкого сделать прекрасное шоссе. Но для китайцев чем меньше путей сообщения, тем спокойнее, чем меньше просвещения, тем способнее для «правителей».

Пришла «власть предержажая» за паспортами. Отдали мы паспорта власти не без опасения — в «ценном» документе и без того уже углы износились от бесчисленных осмотров.

Е. И. говорит: «Если бы китайцы нас приняли ладно, ведь многое от этого изменилось бы». Многое, многое!..

22 мая. Пески до самого Чай-Пе-Дзы в 16 потаях. Легкие облачка скрыли солнце, иначе был бы зной несносный. Как Садык-кучер говорит: «Лошадей бы зарезали». Никогда не видали столько дичи: золотые фазаны, куропатки, гуси, кроншнепы, утки, чайки, зайцы. Фазаны сидят на дороге перед самым экипажем. Вышли в 5 утра, дошли в 2 1/2. Предлагают лучше двигаться ночью. Чай-Пе-Дзы бедное место, двory грязны. Стоим за селением у речки. Позади скрылись отроги Тянь-Шаня, а далеко впереди к северу показалась легкая линия Тарбагатайских гор. По степи маячат китайские могилы в виде курганчиков. Опять пришел представитель власти и унес куда-то паспорта. Уморительно сверял наши физиономии с карточками. Нескончаемый полицейский участок!

27 мая. День прекрасный по краскам. Синие горы. Шелковистая степь. По левую руку — снега Тарбагатая, а прямо на север — отроги самого Алтая. Алтай — середина Азии. Стада по степи. Великие табуны коней и юрты черносерые и бело-молочные. И солнце, и ветер, и неслыханная прозрачность тонов. Даже звучнее Ладака.

С утра измучил негодяй возчик. Все у него не в порядке, и телеги разваливаются — такого мы еще и не видали. После выступления возчика — ряд китайских интермедий. Амбань назначил солдата ехать с нами до пограничного Кузеюня. Солдат приехал, повертелся в воротах, сказал, что едет пить чай, и более мы его не видели.

Когда же мы проехали пять потаев до пограничного пункта, тут началась комедия, но от нее хотелось плакать. Трехаршинный паспорт и печати генерал-губернатора мало помогли. Полуграмотный таможенник хотел вскрывать печати генерал-губернатора. Хотел снова пересчитывать все вещи и, наконец, пытался вообще отнять наш китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором русская виза. Еле отговорили его от этой затеи. Но тем не менее мучительство и выдумки таможенного идиота заняли около четырех часов. Лишь в шестом часу мы тронулись, чтобы пробежать, а вернее, проползти двадцать пять верст до русского поста. Не отошли и версты, как сломалось колесо у возчика. Предстояла ночь в горах среди самого опасного места. Пришлось вернуться к китайскому посту. И вот опять сидим в палатке. Может быть, в последний раз перед длинным перерывом. И горы-то милые, и палатка так многое напоминает. И полная золотая луна беспощадно глядит в открытый полог...

28 мая. Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощанье она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами взгорий, но и пышной травой и давно не виданными цветами. Красно-пунцовые дикие пионы, желтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И воздух, полный весенних дуновений. Спускались и поднимались зелеными холмами. Поднимали свалившиеся телеги.

Около ехала киргизская стража. Те же скифы. Те же шапки и кожаные штаны, и полукафтанья, как на Кульобской вазе⁶⁰. Киргизы гонялись за показавшимися через дорогу волками. Один из них нарвал для Е. И. большую связку красных пионов. А там еще один перевал, и на гребне кучи мелких камней. Это конец Китаю.

Здравствуй, земля русская, в твоём новом уборе! И еще травы, и еще золотые головки, и белые стены пограничного поста Кузеюнь. Выходят бравые красноармейцы. Расспросы. Общая забота сделать нам так, как лучше. Где же грубость и невежественность, которой мог бы отличаться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?! Следует долгий внимательный досмотр вещей. Все пересмотрено. Извиняются за длительность и хлопоты, но все должно быть сделано без исключения и по долгу. Вот и начальник поста. Вот и семья его помощника Фомина. Сын его трогательно собрал всевозможные портреты Ленина и сделал из них как бы венок над своей постелью. Ночуем на посту.

29 мая. Покатили утром до села Покровского (70 верст) по чудесной гладкой дороге. Горы отступают. Понижаются. Киргизские юрты. Любопытные всадники. Бодро бежит сытый вороной конь красноармейца в зеленой пограничной фуражке, весело сдвинутой набекрень. Первый русский поселок Рюриковский. Низкая мазанка. Видны уже белые стены и скудные сады. Здесь климат суров. Овощи не растут — хватает мороз. Но теперь уже началась летняя жара. Если бы доехать до Тополева мыса, но наш возчик не сделает это. Так и есть. На ровном откосе разлетается вдребезги колесо у брички. Надо посылать в комендатуру в Покровское за телегой. Долго стоим у мельницы Яценко — он недружелюбен и не дал свою телегу.

Вот и Покровское. Больше белых домиков. Выходит навстречу комендант. Вот и начальник стражи. Вот и помощник коменданта. На перерыв размещают нас по своим скромным квартирам. Еще больше вопросов. Еще настоятельнее ждут поучительных ответов. Понимаете ли: хотят знать. Хотят проверить свои сведения с нашими. Рамзана⁶¹, не понимая языка, замечает: «Русские — хорошие люди. Душа у них хорошая». Спрашиваем, как он дознался до этого? «А по глазам видно».

Оказалось, наш пароход по Иртышу отходит сегодня ночью, а следующий лишь через три дня. Возчик нас посадил. Но на посту радуются и просят погостить у них хоть один день. Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно.

Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?!

30 мая. С утра смотрели картины. Люблю этих зрителей без предрассудков. Свежий глаз и смотрит свежее. Толковали о разнице понятий культуры и цивилизации. Замечательно, что русские легче многих других народов понимают это различие. И еще замечательно: это сознание долга и дисциплины. В этой жажде знания — все реальное будущее и весь свет труда. Е. И. читала письмо об индусской философии. И мы сказали спасибо этим новым знакомым за все от них услышанное. Надо сказать, что эти пограничные красноармейцы мыслят гораздо шире многих интеллигентов. Где же та узорность и грубость, о которой говорили подложные отзывы?

31 мая. Джембаев на коне проводил нас в степь. Сердечно простились. Побежали 45 верст до Тополева мыса, до синего Зайсана. Взгорья и холмы. Пологие курганы. Седая трава и ярко-красные откосы. Аулы киргизских юрт...

Вот и Тополев мыс, приземистое селение с белыми мазанками. Хороший пароход «Роза Люксембург» вчера ушел, и нам придется ехать на «Алтае». Будем стоять у старухи Федоровой.

16

Пьем чай с красноармейцем. Едим творог со сметаной. На стене висит Никола и премия «Нивы»: «Ломоносов показывает электрическую машину Екатерине». Приходят племянники Федоровой, бывшие красноармейцы. Интеллигентно толкуют о Китае, о Корее, о Чжан Цзо-Лине. Хотят достать нам окуней и карасей из Зайсана. На окнах — красные и лиловые прим-розы и всегдашняя герань. Нашего гегена⁶² приняли за китайского генерала. Сколько легенд будет ходить о нашем проезде.

1 июня... «Лобков» оказался совсем уж не так плох, как о нем говорили. Ламу и Рамзану устроили на верхней палубе. Разместились.

Опять чудо: еще на сходнях около нас собираются грузчики и просят им «рассказать». На верхней палубе нас окружает целое кольцо всех возрастов. И все они одинаково горят желанием знать. У каждого свой угол подхода, у каждого свои сведения, но у всех одно жгучее желание — узнать побольше. И как разбираются в сказанном! Какие замечания делают! Кому нужно знать экономическое положение стран, кто хочет знать о политике, кто ищет сведений об индустриальных югах, говоря: «Вот где истина». Народ, который так хочет знать, и получит желанное. Подходит мальчик, хочет с нами путешествовать. У Юрия в тесной каюте скопились четверо коммунистов, дружно толкуют о ленинизме. Над пристанью более не висит ругань. Спорится работа народная.

2 июня. «Вот так бы и учился лет тридцать, не переставая, да вот заработок мешает», — говорит рабочий на пароходе. И глаза его горят неподдельной жадной знания.

В последний раз оборачиваюсь в сторону Китая. На моей картине, которая в Пекине, есть надпись: «Друг Китая». Уменьшилась ли моя дружба после того, как мы видели весь «танец смерти Синьцзяна»? Нисколько. Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать столько ужасов. Лицемерный враг закрыл бы глаза на ужас действительности, но друг должен указать все то, что оскорбляет свежий непредубежденный глаз. В раскрытии этих язв лежит залог удачи будущего Китая, который уже растет. От прошлого, от древней цивилизации Китая можно провести мост лишь к будущему новому осознанию в международном понимании истинной эволюции. Все же настоящее уйдет во мрак, как запятнанная страница истории. Губернаторы и амбаны современного Китая станут как страшные гримасы паноптикума, нужные для человечества так же, как отрубание рук и ног водяному богу. Желаю, искренне желаю Китаю скорей скинуть все убожество и скорее смыть грязь, выросшую под шелком внешнего наряда. Желаю успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества.

Совершенно нелюбезно смотрю в глаза трудящейся России. Какая жажда знания! Ведь эта жажда горами двигает, ведь она дает непоколебимое мужество к новым построениям. За наш долгий путь мы давно не видали глаз русских, и глаза эти не обманули. Здесь оплот новой эволюции. Пришли утром просить прочесть лекцию о пути. Команда парохода и пассажиры просят.

Еще ночью покинули озеро Зайсан и пошли между пологими, степными берегами еще узкого Иртыша. Вода малая сейчас, и пароход не один раз трогает мели. На носу промеряют глубину; несутся те же возгласы, как, бывало, на верховьях Волги. Селения киргизского типа. Кое-где стада. Много гусей и всякой дикой водяной птицы.

После обеда была беседа. Вся команда и все пассажиры третьего класса собрались тесным кольцом, и все ловили новые сведения с напряженным вниманием. Не игра, не сквернословие, не сплетни, но желание знать влечет этих людей. И они узнают. Трое беспризорных едут на родину, им собирают деньги на проезд. И трогает, и дает новые силы это явление растущей силы народа.

Показались зеленые холмы. К вечеру дойдем до гор. К шести добежали до села Баты; русские домики уже начинают преобладать. А там и горы. И грозы

над горами. Изумительный эффект светлой степи под синими горами и под облачным нагромождением. Этих облачных богатств давно не видали.

Поздний вечер, до полуночи занят беседой с народным учителем о йогах, об общинах Индии. Все эти вопросы здесь очень насущны, и люди живут ими. Ведут переписку. Задают сложные, продуманные вопросы. Весело видеть ищущих, для которых денежный знак заслонен вопросами реального строительства жизни. Не в теоретическую аптеку повелительно зовет жизнь этих людей, а к построениям, возведенным руками человеческими. Таких народных учителей много. Они общаются друг с другом и ждут новых сведений. К полуночи добежали до Нового Красноярска. К пароходу вышла целая толпа. Нигде нет сквернословия.

3 июня. С утра проходим утесами. Серые глыбы сгрудились до самого течения. Иртыш стеснился, и еще сильнее течение. А там деревянный городок Усть-Каменогорск, и за ним кончаются горы. Иртыш развернулся в широкую плавную реку, а на горизонте остались отдельные гребни и пирамиды ушедших гор. Прощайте, горы!

Опять приходят с вопросами, и все о том же: об учении жизни, об Индии, о путях истины. Большая часть дня занята этими беседами. Наметился еще один сотрудник. Вот где насущно нужно то, что на западе попирается.

Решаем от Семипалатинска до Омска следовать по Иртышу пароходом. Длинная пересадка, но поездом тоже не лучше. Двадцать часов до Новосибирска; приехали бы туда поздней ночью. На пароходе и с людьми больше общения, и воздуха. Сейчас прохладные дни и холодные ночи. Говорят, уже три года, как заметны перемены климата. Нет жары летом, но и зима менее студена.

Поздним вечером опять беседа и опять на те же темы. Прямо удивительно воочию убедиться, куда направлено народное сознание. Уже поздно, но приходят матросы и просят дать им статью в их газету. И вот первый «привет Востока» пишется для матросской газеты. Всячески хотят помочь эти обветренные, трудящиеся люди. Замечательные сердца! Новые друзья просят: «Позвольте писать вам»...

4 июня. Семипалатинск. Три часа утра; перегрузка на пароходе «8 февраля» до Омска. Решили ехать пароходом, ибо алтайская дорога поезда медленна: (поезд) идет 20 часов до Новосибирска. Едем в Госторг с письмом Быстрова. И опять встречаем заботливость и желание всячески помочь. Дают письма в Совторгфлот в Омске, где нам устроят места в международном вагоне. Заходим в книжный склад — удивительно: ни одной пошлой книги. Масса изданий по специальностям. И это все в пограничном захолустье, в уединенном Семипалатинске! Стоят и белые каменные дома и серые деревяшки, как будто все то же самое, но жизнь иная наполнила эти остовы.

Под пароход подтянуло лодку, опрокинуло течением. Дружно бросаются помочь беднякам. По пароходу бродят любопытные детишки. Нет в них забитости, нет наглости — есть та же пытливость. А Иртыш уже развернулся в могучую низовую реку. Гонят плоты...

Ушли кочевые аулы. Поредели всадники, и пошли сибиряки каменотесаные. А под Белухой еще снег лежит...

Столько надо сказать. Столько запечатано красными печатями консула. Столько творится. И земля — земля Будды — переносится на великую могилу. Опять забудутся многие строки, и нельзя их записать. А новый друг твердит на прощанье: «Я не потеряю вас».

5 июня. ...Юрты почти кончились. Степь. Низкие сосны и кустарник. За окном беседуют два молодых рабочих. Говорят об организации местного театра, о трудностях с костюмами и освещением. Говорят так, как и в столице редко услышать можно... Пограничники толкуют о буддизме, понимают, что это не религия, а учение, оценивают, что Будда человек, явная историческая личность, толкуют о великой материи. Откуда это ценное, ясное мышление? Ибо все внутреннее содержание коммунизма — его стремление к красоте.

17

А вот идет Алексей Пивкин из Нижнего Новгорода и скорбит о том, что люди не понимают пользы практического объединения. «И все-то норовят отделиться в деревне, а как способнее бы скопом хозяйствовать».

6 июня. Некоторые люди боятся гор и уверяют, что горы их душат. Не боятся ли эти люди и больших дел?

Еще шире Иртыш. Экая стремнина!

Пожелтел Иртыш, и пошли белые гребни. Теперь верим, что здесь мог Ермак утонуть. Пришли от команды парохода, просят дать статью в их газету. Не успел написать: «Великая рука Азии», — а тут еще идут представители матросов и пассажиров с просьбой прочесть им лекцию. Вот это называется — стремление. Вот это поиски — нет ли где еще нового, нет ли полезного, чтобы просветиться. На картине «Сон Востока» великан еще не проснулся и глаза его еще закрыты. Но прошло несколько лет и глаза открылись, уже великан осмотрелся и хочет знать все. Великан уже знает, чем владеет. В Америке и Дымов, и Каральник, и другие писали об этой картине, спорили, а она уже — в жизни.

На пристанях все гуще и гуще толпа. Павлодар точно высыпал к пароходу. Малыш спрашивает другого совсем крохотного: «А ты пионер?» Сколько здоровых лиц! Радостно отметить легкость передвижения. Послушайте говор: тот, из Камчатки, был в Семипалатинске. Этот, из Кронштадта, в Павлодаре. Этот побывал в Сеуле и в Бухаре. Этот от границ Польши. Этот, от Нижнего, на Алтае. Ведь крылья растут! «Все возможно и все доступно!» И уходит главный бич жизни — страх и предрассудки. Завтра последний день Иртыша. Омск. Поезд. Новый Восток. Новое, над чем знак розы.

7 июня. Ветер и гребни сменились проливным холодным дождем. Попрыгали толпы на пристанях. Е. И. довольна — нет зноя, которого она так опасалась. Спрашиваем себя, приехали ли уже в Москву Лихтманы⁶³. Последние письма из Америки были от начала января, а телеграммы от начала марта.

Г.⁶⁴ не знает, что мы проехали так близко от его родных мест. Вот рабочий рассуждает о религии. Слушайте и удивляйтесь, как широко, реально и практично судит он о применении новых методов. Вот он перешел к вопросу о пьянстве, и опять слышится здоровое суждение. Вот он толкует о дисциплине в армии; не удивительно, что такая армия представляет грозное своей сознательностью целое. Вот он оценивает экономические условия. Без вредного шовинизма он учитывает нарастание хозяйства. В его руках цифры и сопоставления. Говорит о налаженной работе народа со специалистами. Нет ни ложного пафоса, ни хвастовства; спокоен жест руки, и безобязанно смотрят серые глаза.

Вот опять народный учитель. Тот, который работает двенадцать часов в сутки за 26 рублей в месяц. Он и учитель в трех школах, и режиссер, и народный лектор, партийный работник. Послушайте, как любовно он говорит о лучших методах преподавания, как он бережлив с индивидуальностью детей и как следит за достижениями науки. Сейчас едет, чтобы пройти дополнительный курс на биостанции.

А вот латвиец — командир полка. Жена его шепчет: «Что делать с ним? Все, что имеет, раздаст. Найдет каких-то бедных старушек, выдает им пенсию. А чуть скажешь ему, отвечает: «Да ведь ты сыта. Лучше я сам есть не буду». А ведь жалованье-то всего 125 рублей». Этот грозный латвиец убежденный коммунист самого чистого склада. И весело с ним говорить об эволюции материи. Это не тупой дарвинист, но реальный искатель и поклонник реального познания сущего... Радостно плыть по Иртышу и слышать доброе строительство. Радостно не слышать ни одного сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания. Как Ленин говорил, претворение возможности в необходимость.

Вспоминаем всякое бывшее с нами. Трехсуточная гроза в Гульмарке. Шаровидная молния около моей головы в Дарджилинге. Необъяснимый синий огонь в Ниму. Шесть часов с револьвером в Тангмарке. Бамбуковый мост в Таши-

динг. Глетчер Сассера. Мертвый оскал даотая Ма. Переход ламою границы. Ползанье по пещерам Кучарским. Неожиданная стужа на Каракоруме. Буран после Токсуна. Буря на озере Вулар. И многое другое. И каждая эта буря, и каждая эта стужа, и каждая эта молния вспоминается как неповторяемый сон. Плотников спрашивает в Урумчи: «Вошла ли в вас зараза Азии?» Да, Петр Александрович, вошла, и всегда она была в нас. Она была гораздо ранее, нежели писался «Стан половецкий» или «Заморские гости». И как же будем мы без тебя, Азия? Но ведь мы и не выехали еще из тебя. Е. И. читает письмо махатмы⁶⁵. Лучше всего понимает письмо командир латвиец. Как понятно и ценно все его мышление. Потом я делаю доклад команде и пассажирам. Следуют вопросы. Так же, как на «Лобкове», напряженные вниманием лица. По откосам берегов еще лежит снег. Сегодня утром прошли селение Ермак и место, где утонул завоеватель Сибири. Рабочий поясняет: «Он бы выплыл, наверно бы, выплыл, да доспех-то его на низ потянул». Так помянул рабочий героя этих студеных просторов. И с командиром, и с рабочим, и с учителем всегда встретимся радостно. Привет всем друзьям.

8 июня. Омск. Мост через Иртыш. Севастьянов показывает «исторические» здания. Особняк, где жил Колчак. Здание колчаковского сената. Дом красноармейцев. Собор, где хранится ветхое знамя Ермака. Полуразрушенная тюрьма, где был заключен Достоевский. Вершинка старого острога XVII века. Оказалось, что оба нужные нам поезда только что отошли и мы должны сидеть в Омске три дня, до четверга вечера. Совторгфлот радушно заботится о нас. Б. многое рассказывает. Слышим о моих картинах. Высокие цены. Поверх всего идут расспросы опять о Йогах, об Индии и Тибете, о буддизме и об учениях жизни. Целый слой изучения воли и материи. Газеты дают верные факты. Но молва плетет свой узор. Письмо о сложном положении Монголии.

В московских газетах пишут о том, что мы «нашли» манускрипт о Христе (Иссе). Откуда идет эта формула? Как могли мы найти то, что известно давно. Но мы нашли большее. Можно было установить, что формула Иисы-общинника воспринята и живет на всем Востоке. И на границах Бутана, и в Тибете, и на холмах Сиккима, и на вершинах Ладака, и в хошунах монгольских, и в улусах калмыцких живет текст манускрипта. Живет не как сенсация праздничных газет, но как твердое, спокойное сознание. То, что для Запада сенсация, то для Востока — давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы.

9 июня. Холодное солнце пробивается через узорчатые листья филодендрона в комнате (гостиницы) «Европы». Не к теплице, не к ботаническому саду, но в Сикким теперь будут переносить эти листья наше воспоминание. Там, когда от реки Тишта поднимались к Чаконгу, эти же самые листья вились по зеленым мшистым стволам, переплетались с блестящими цветами орхидей. И маленький храм в Чаконге, и одинокий сторож при храме. Высокий и статный, в одной холщовой рубахе. И вечерние рассказы ламы Мингюра. И так узорный лист будет теперь вести в далекие страны. И подле листа будут расцветать образы близкие и милые.

Едем в ОГПУ сдать на хранение оружие. Опять та же предупредительность и заботливость: «Чем можем помочь?» Управляющий Совторгфлотом сам едет на далекий вокзал, чтобы по недоразумению мы не переплатили за багаж.

Идем в Краевой музей. Отделы художественный и этнографический. Из Ленинграда и из Москвы прислан ряд картин, умело подобранных, характеризующих течение русской школы. Есть не только Левицкий, но и Мусатов и Левитан. К удивлению, находим и две мои вещи. Обе из неоконченных запасов, стоявших у стен мастерской. Одна — «Ладья», 1903 г., из сюиты «Город строит», другая — «Древо преблагое», эскиз. Надо написать, что обе неокончены.

Подходит местный учитель, удивленно спрашивает: «Вы — Рерих? Но ведь вы были убиты в Сибири в 1918 году». Опять та же сказка, которая достигла нас в Лондоне и в Америке. Как же не убит, если были и панихиды и некрологи.

18

Но отпетому на панихидах светло работалось, плавалось по океанам и легко всходило на вершины. Верно, панихида помогает. И некрологи были очень душевные. Какие славные учителя в этом краю! Уже четвертая радостная встреча.

10 июня. Едем. Поезд отходит в полночь. ОГПУ дало ордер помочь при посадке.

Друзья! Буду рад по окончании пути, кроме этих кратких заметок, передать вам весь дневник и рисунки. Но для этого нужно где-то временно осесть и разобрать записки и альбомы. Но где и когда?

Козлов⁶⁶ пишет о Хангае. Интересны две статуи — черная и белая, добрая и злая. Но почему они в скифском наряде? Есть ли это Тары⁶⁷? Или приспособленные каменные бабы? Значительно, как и все из старой области Орхона.

Сегодня сабантуй — татарский посевной праздник. Скачки на конях и верблюдах. Татары с громкими бубенцами катят в загородную рощу. Празднуется новый посев.

В полночь приходит поезд. Агент ОГПУ проходит мимо, глазом дает нам понять, что все ладно. Едем под знаком розы, под знаком праздника посева. Привет друзьям!

Окончание следует

КОММЕНТАРИИ К ПУБЛИКАЦИИ ОТРЫВКОВ ИЗ КНИГИ Н. К. РЕРИХА «АЛТАЙ—ГИМАЛАИ»¹

1. Черное море. Красное море.
2. Ланка Рамаяны. Сингалы с древности называли свой остров Ланкой, как он назван и в Рамайне («Колесница Рамы»), великой эпической поэме, сложенной около тысячелетия до н. э.
3. Майтрейя. По ламаистским воззрениям, Будда будущего.
4. Ступа. Погребальный памятник в буддизме.
5. Хануман, Рама, Равана. Персонажи Рамаяны.
6. Черные дравиды. Дравиды — основанное на языковой общности условное название племен, создавших древнюю цивилизацию Индии. Их потомки, например, тамилы отличаются более темным цветом кожи. Поэтому Н. Рерих называет их черными дравидами.
7. Веды («Знание»). Священные писания ариев на так называемом ведийском санскрите. Составление первых четырех Вед относится к III—II тысячелетиям до н. э.
8. Махабхарата («Великая Бхарат»). Древний великий эпос Индии, возникший около начала I тыс. до н. э. на санскрите.
9. Мадур (Мадурай). Город в Южной Индии.
10. Бабу (господин). Так называют в Индии именитых или образованных людей.
11. Рамакришна Парамаханса (1835—1886). Известнейший реформатор индуизма, йог.
12. Вивекананда (Нарендронатх Дотто) (1862—1902). Выдающийся ученик Рамакришны. Крупнейший философ-моралист, просветитель, гуманист и общественный деятель Индии. Один из зачинателей национально-освободительного движения. Основал в 1897 году «Миссию Рамакришны» как всемирную нерелигиозную, просветительскую и благотворительную организацию.
13. Амбер. Старая столица княжества Джайпур с замечательной архитектурой XVI и XVII вв.
14. Фатех Пур Сикри («Город Победы» Сикри). Основан императором Акбаром в 1569 г. и был его столицей до 1583 г. Его архитектура интересна сочетанием старых индийских традиционных черт индо-мусульманского зодчества.

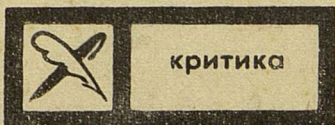
¹ Написание имен собственных и географических названий дается по рукописи Н. К. Рериха.

15. Аджанта. Всемирно известный комплекс из 29 буддийских пещерных монастырей и храмов, вырубленных в скалистом берегу речки Вагхоры. Создавался со II в. до н. э. по VII в. н. э. Замечателен синтезом архитектуры, скульптуры и живописи, символ величия древнеиндийской художественной культуры.
16. Акбар Великий (Джелал-ед-дин Мухаммед). Прославленный император династии Бабуридов, так называемых Великих Моголов. Годы правления — 1556—1605. Завоевал большую часть Индостана и основал мощную империю. Будучи сам мусульманином, признавал все религии, особенно индуизм. Стремился объединить индусов и мусульман. При Акбаре начался последний расцвет индийской культуры феодальной эпохи.
17. Пуэбло. Дома-селения родовой общины земледельческих индейцев юго-запада США и севера Мексики.
18. Стокхунд. Пригород Стокгольма.
19. Боше (Джагадиз Чандер Боше) (1858—1937). Знаменитый индийский физиолог и физик, изучавший растения. Основатель и директор научно-исследовательского института в Калькутте. (1917—1937).
20. О. Гоше (Аурбиндо Гхosh) (1873—1950). Известный индийский философ, пользовался большим уважением Джавахарлала Неру. Участвовал в национально-освободительной борьбе.
21. Адвайта («Недуализм»). Монистическая система философии Веданты.
22. Атман. Высшее «я» в индуизме, природа которого тождественна Брахману (абсолютному).
23. Кшатрии. В Древней Индии возникли четыре сословия (варны): брахманы — жрецы, кшатрии — воины, вайши — земледельцы, торговцы, ремесленники и низшая бесправная варна — шудры. Со временем эти сословия превратились в строго обособленные касты, принадлежность к которым определялась рождением.
24. Инвольтация с терафимом. Нечто вроде заклятия амулета.
25. Асанга. Древнеиндийский философ (конец IV—V вв. н. э.).
26. Таши-лама. Совместно с Далай-ламой был религиозным главой Тибета. Обычно жил в монастыре Таши-лхумо и поэтому называется Таши-лама.
27. Потала. Дворец-крепость Далай-ламы в Лхасе, выстроен на холме Потала. Замечательный архитектурный памятник XVI в.
28. Белая Тара. Главная богиня в ламаизме.
29. Семья Литтон. Булвер-Литтон Эдуард Джордж — английский романист (1803—1873).
30. Картина «Сжигание тьмы» находится в музее Рериха в Нью-Йорке.
31. Ладакцы. Одна из тибетских народностей, населяющих территорию Ладака в Восточном Кашмире.
32. Даотай. Китайский чиновник высокого ранга. Здесь — градоначальник.
33. Амбань. Маньчжурский титул чиновника.
34. Е. И. — Рерих Елена Ивановна (1879—1955), жена Н. К. Рериха.
35. Свен Гедин (1865—1952). Шведский исследователь стран Востока.
36. Фильхнер Вильгельм. Немецкий ученый и географ.
37. Сунг (Сун). Имя китайца, участника рериховской экспедиции.
38. Фа-сиен-ли (Фа Сянь). Китайский путешественник IV—V вв.
39. Пеллио Поль. Известный французский востоковед.
40. Гуанханг (Дуньхуан). Древний город провинции Ганьсу. Неподалеку от него находится пещерный буддийский монастырь IV в. н. э.
41. Гранд Гиньоль. Театр ужасов, открытый в 1899 году в Париже.
42. Шамбала. По восточным сказаниям и легендам, страна счастливого будущего.
43. Молдовак. Английский агент в Хотане.
44. Торгоуты и хошуты. Ойратские племена. Торгоуты относятся к западным монголам (ойратам или олётам). Населяют также западные районы Монгольской Народной Республики.
45. Ду-ту. Китайский генерал-губернатор.
46. Бодисатва. Буддийские божества.
47. Гоццола Беноццо (1420—1497). Итальянский живописец эпохи Возрождения. Его главная работа — фреска «Шествие вождов» в палаццо Медичи-Риккарди во Флоренции.
48. Мантенья Андреа (1431—1506). Итальянский художник эпохи Возрождения. Главные произведения — фрески в церкви Дев Эремитани в Падуе и в замке Сан-Джорджо в Мантуе.
49. Потай. Дорожная глиняная башня, указывающая расстояние пути в Синьцзяне. Обычно расстояние между башнями — 4 км.
50. Фань. В 1926 году китайский комиссар по иностранным делам в Урумчи.
51. Дигнитарий. Сановник.
52. Быстров Александр Ефимович. Генеральный консул СССР в Урумчи в 1925—1928 годах.

- 53. Дунгане. Народность хузйцу.
- 54. Памятник Ленину. В 1926 году по просьбе сотрудников советского консульства в Урумчи был прислан из Москвы бронзовый бюст В. И. Ленина работы скульптора Андреева. Проект всего памятника был создан Н. Рерихом по просьбе консула Быстрова А. Е.
- 55. Плотникова Елена Александровна. Жена секретаря советского консульства Плотникова П. А.
- 56. Якуб-бек. Предводитель повстанческого движения среди мусульманского населения Синьцзяна (1862—1877).
- 57. Сарты. Старорусское название киргизов.
- 58. Бакша. Здесь — сказитель.
- 59. Быстровы, Плотниковы, Яковлева, Зенкевич, Алейников, Пурины, Краузе. Сотрудники и члены семей советского консульства в Урумчи.
- 60. Кульобская ваза. Куль-оба — скифский курган в Крыму близ Керчи. В нем открыто захоронение скифского вождя с богатым инвентарем — IV в. до н. э. Наиболее известна золотая ваза высокохудожественной работы со сценами из жизни скифов.
- 61. Рамзана. Имя ладакца, прошедшего с экспедицией Рерихов до Алтая.
- 62. Геген. Духовный титул в Тибете.
- 63. Лихтманы. Супруги Лихтман Морис и Зинаида — американские сотрудники Н. Рериха. Приезжали летом 1926 года в СССР и участвовали в экспедиции Рерихов по Алтаю.
- 64. Г. Писатель Гребенщиков Г. Д., уроженец Алтая.
- 65. Махатма. Буквально «Великая душа». Так в Индии называют особо уважаемых, выдающихся людей. Например, Махатма Ганди, Махатма Ленин.
- 66. Козлов Петр Кузьмич (1863—1935). Выдающийся советский путешественник, исследователь Центральной Азии. Имеется в виду книга П. К. Козлова «Монголия Амдо и мертвый город Хара-Хото». М. 1923. Рассказывает о замечательном открытии в пустыне Гоби древнего города XIII века Хара-Хото.
- 67. Тары. Богини в ламаизме.

**Комментарии доктора искусствоведения,
лауреата премии имени Джавахарлала Неру
С. И. ТЮЛЯЕВА
Публикация И. М. БОГДАНОВОЙ-РЕРИХ**

АЗАТ ЕГИАЗАРЯН

Критерий — ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

ПРЕДЕЛЫ «ВОЛЬНОСТИ»

Несколько лет тому назад был опубликован перевод одного четверостишия О. Туманяна, сделанный Н. Гребневым. Перевод такой:

Я ранил птицу, совершил я зло.
И хоть с тех пор немало лет прошло,
Мне и поныне снится эта птица,
И окровавлено ее крыло.

Подстрочный перевод: «Однажды я ранил птицу. Улетела она раненая, летит она и по сей день. Грустно, и крыло в крови».

Перевод вызвал споры. Говорили, что, введя в стихи слова «совершил я зло», переводчик добавил к поэтическому облику Туманяна элемент морализирования, поэту не свойственный.

В юбилейном трехтомнике О. Туманяна (Ереван, 1969) Н. Гребнев изменил строку: слова «совершил я зло» были заменены, первая строка теперь читалась так: «Я ранил птицу, ранил тяжело». Элемент морализирования исчез. В этом можно было усмотреть попытку переводчика приблизиться к Туманяну. Но в том же году в Москве вышел сборник О. Туманяна «Лирика», где перевод Гребнева перепечатан в первом варианте. Значит, переводчик считает его правильным.

Кто же прав, Гребнев или его критики? Этот вопрос тем более правомочен, что за ним стоит давний и неслучайный спор о пределах «вольности» переводчика, спор, имеющий жизненно важное значение для нашей переводческой практики. Сам Н. Гребнев в одной из совместных статей с Л. Мкртчяном заметил: «Меру вольности, допустимой для переводчика, я для себя сформулировал бы так: переводчик имеет право вынести в текст перевода то, что было в подтексте подлинника, и, наоборот, спрятать в подтекст перевода то, что было в тексте подлинника». Таким образом, перед нами последовательная теоретическая позиция. В подтексте приведенного четверостишия Туманяна, несомненно, есть сознание совершенного зла. Но почему у самого Туманяна это сознание, как и многое другое, «спрятано» в подтекст?

На этот вопрос не ответил и Л. Мкртчян, который в свое время анализировал перевод Гребнева; он выдвинул свое обоснование гребневского решения: восприятие русского читателя, на которое рассчитан перевод Гребнева. Этот аргумент вовсе не кажется мне сильным: «восприятие русского читателя» есть нечто, мало поддающееся

Журнал "Фронт
нарав" 20
№ 11 / июль

Она написала:

«О Каплевой Валентине Алексеевне я узнала вот что. С мужем своим Гриняевым А. И. она разошлась и в Ташкент вообще не приезжала. Они разошлись в Станиславе (тогда так назывался Ивано-Франковск.— В. К.), оттуда она уехала к родным в деревню и там в прошлом году умерла. В Ташкенте живет сестра мужа. Я у нее была. Она говорит, что сведения о смерти Каплевой В. А. исходят от односельчан ее».

Неподалеку пылал истомленный августовским зноем подмосковный лес. В ялое солнце белело сквозь угарную мглу. Как в Санок, когда мы с Гороховцевым бродили вдоль обуглившихся заборов со свежими надписями «хозяйство...».

Конец
в н 10

...И обратно

Из далекого далека дымит паровоз, за ним длинная череда вагонов. На станциях отцепляют одни, прицепляют новые, на красных стенах товарняка мелом выводят названия городов, какие-то цифры.

В Москве возле состава засуетился туда-сюда маневровый паровозик.

До Бреста поезд шел с редкими остановками: смена бригад, заправка водой. В Бресте долгая музыка: подкатываются колесные пары, рассчитанные на западноевропейскую колею.

Затемно поезд преодолел границу. Минутно задержался на первой чужеземной станции. Поляк железнодорожник длинным молотком стучал по колесам.

Под легким вокзальным навесом двое в прорезиненных плащах-накидках сверили часы. Один другому сказал что-то по-немецки. Тот рассмеялся. Первый бросил еще фразу, и второй вышел в темноту из-под освещенного навеса.

Во мраке за станционным зданием застыли расчехленные орудия. В лесу танки опробовали моторы.

Стоял 1941 год, самая короткая ночь — ночь на 22 июня. Товарно-пассажирский поезд совершал обычный рейс, не ведая, что едет в войну, и немецкие офицеры шутливо сверяют по нему часы...

Историю эту мне рассказал когда-то старик — польский железнодорожник. Был такой состав, не был? Правда или легенда?

Поляк божился («Як бога кохам»), звал в свидетели матку боску — все как принято. Упрямо настаивал на числе пассажирских вагонов: не четыре и не шесть — пять. Один почтовый.

Коль правда, я сейчас качу по тем же рельсам. Но в направлении, противоположном поезду, доверчиво мчавшемуся в разверстую пасть войны.

...Сколько раз ни продельваю этот маршрут, неизменно вспоминается история, слышанная некогда от старого польского железнодорожника.

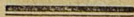
...Людно, многоязычно в вагоне — кубинцы, немцы, датчане, чехи, сенегальцы, поляки. Грохочущий Ноев ковчег образца семидесятых годов двадцатого столетия.

Это в математических задачниках поезда следуют из пункта А в пункт Б. На земле они перемещаются в пространстве и времени. Пересекают реки и часовые пояса. Груз предшествующего тормозит ход. Ветер надежды убыстряет. Неправда, будто города, села, «цментажи», леса и нивы остаются позади.

За окном вагона млечная россыпь далеких огней: улица Василия Скопенко, улица Кшиштофа Бачиньского, улица Алексея Лебедева, улица Кароля Сверчевского...

Все с тобой. Слетаются нити, тянущиеся от далеких городов и лет. Ты — точка пересечения. И отвоеванный у времени давний день, мимолетный, словно миг — восход солнца 4 час. 01 мин., заход 19 час. 22 мин., — обретает необозримую протяженность.

Санок — Варшава — Москва
1972—1973

Н. К. РЕРИХ

АЛТАЙ—ГИМАЛАИ

Отрывки из книги

Алтай

(1926)

Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумера Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества.

Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое незабываемое место среди подобных начинаний нашего отечества. И сейчас разве мыслимо сообразать какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышленные и условные, поколебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встает понимание труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура, как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа, — эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслоились высоко духовные наследия. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумения и разрушительных непониманий?

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимоуничтожения! Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнечному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и о разрушении. Отравленные газы и человеконенавистническая биологическая война не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры...

Словарь зла преисполнен, и необходимо обратиться ко всем мерам сотрудничества, к понятиям созидания.

Окончание. Начало см. «Дружбу народов» № 10 за 1974 год.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не перенесем-ся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для приложения всякого строительства! Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по самым неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может преклонить голову перед проходящей невзгодой; от всех сибирских работников веет неутомимостью, и если добавить к тому дружелюбие и понимание кооперации, то вот вам и новый дом.

Могут добавить, что также в разных странах на наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своем идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесятятся. Путник, имея дальних друзей, дойдет в бодрости.

Камень. Дивный камень. Тигерецкий камень. И просто — камень. И весь край — весь камень.

Елен-Чадыр. Тоура́к. Куеган. Карага́й. Ак-Кэм. Асатар. Эконур. Чеган. Ара-сан. Уруль. Кураган. Алахой. Жархаш. Онгудай. Еломан. Тургунда. Аргут. Карагем. Арчат. Жалдур. Чингистай. Ак-Ульгун. Хамсар.

Все имена. Эти имена рек, урочищ и городищ — как напевный лад, как созвучный звон. Столько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят.

Около Черного Ануя на Караголе — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть кости и надписи.

А когда переломили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Встала трава и цветы в рост вершников. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали.

Поравнялся алтаец. Пугливо взглянул. Что за новые чужаки в его сторону пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синее, золотое, пурпуровое. Поражающее сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское — Николай.

За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Виднеется место камланий. Здесь не говорят шаман, но кам¹. К Аную и к Улале еще есть камы, «наводящие снег и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены. Заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина — молодая алтайка — почувала новые шаги мира и хранила первый строгий устав.

Размытая ливнями дорога срезала коней. Стали в Кырлыке. Придется просидеть ночь. Но не жаль просидеть ночь в месте, где родилось учение о белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут приход белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы пещер. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Пещеры и тайные ходы. От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в Жар-Цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела Чудь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла Чудь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье². Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы. Через Богогорше. Через Ергор — по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские

люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высока. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые».

С юга и с севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же эволюционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр от четырех океанов существует. Сознание нового мира — существует. Время схода событий — улажено. Соблазн собственности — преоборен. Неравенство людей — превзойдено. Ценность труда — возведена. Не вернется ли Чудь подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звенит ли колокол Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На белках, на Дальнем и на Студеном, горят вершины. Оттуда видна сама Белуха.

«В 23-м году Соколиха с Бухтарминским поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?.. А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут о магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладак. Не вынес северных низин. «Или уйду или умру». Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзану. Спокойно оставляли на ладакцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или поздно, но будут работать с Америкой. Народ помнит американскую Ара³. Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», — зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Знакомо. Сказ про Иасафа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь про Будду. Ведь Боддисатва — Боддисатв переделано в Иасаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и лобуется ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется лицом и гладит их и ласково приговаривает о их полез-

ности. Это уже Пантелей-Целитель⁴, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамеев Семеныч! Для тебя на Гималаях Жар-Цвет вырос.

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые налечники. На дверях и на скрынях наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-но скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с Бухтарминскими мы теперь не знаем. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить, а главное — старинные сарафаны. Так теперь их и зовут «сарафанники». Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек — и стыдно. Теперь бы нам машин-американок завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким белкам. А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут лустыни.

Все носит следы гражданской войны. Здесь, на Чуйском тракте, засадою был уничтожен красный полк. Там топили в Катунь белых. На белке лежат красные комиссары. А под Котандой зарублен кержацкий начетчик. Много могил по путям, и около них растет новая густая трава.

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не узанные. Забайкальцы называют паука мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию, просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски хиус — это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов. Это уже опасно: ведь тарбаганы поставляют легочную чуму. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали лучи? Откуда шла знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лагоре, в Шринагаре и в Варамуле была при нас сильная холера, в Хотане была оспа, в Кашгаре скарлатина. Обычность делает обычными даже суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши кульджинские олетские кони. Карашахрские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны.

Монголы и буряты хотят видеть разные страны, хотят быть и в Германии и во Франции. Любят Америку и Германию. Необходимость расширить кругозор характеризуется ими старинной притчей о лягушке и о черепахе. Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему — океан вдвое больше моего колодца?» — «Гораздо больше», — отвечает черепаха. «Скажешь, в три раза больше колодца?» — «Гораздо больше». — «И в четыре раза больше?» — «Гораздо». Тогда лягушка прогнала черепаху, как хвостуна и лжеца.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере»). Сколько непонятных толков. А к Забайкалью среди семейских, т. е. староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы, и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолвился на ту же икону, то она сделается оскверненной и негодной. Еще страннее калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слышали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. В лето 1926 г. Тут же и хлысты, и пашковцы, и штундисты, и молококане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов,

среди таежных зарослей не видать всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречник.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходится иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросив Бийск.

На следующий год сделают разбивку линии до Котанды, т. е. в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени проектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». — «Да когда — тогда?» — «Да известно, до войны». Таинственное «тогда» становится определителем довоенной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «додже» дойти до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную пряжу сообщений.

Ползут рассказы из Кобдо. Каждому занятно передать хоть что-нибудь из неведомой Монголии, из страны магнитных бурь, ложных солнц и крестовидных лун. Все хотят знать о Монголии. Все особенное. Толкуют, часового солдата съели собаки. Семь зарубил, но от стаи отбиться не мог. На Иро и к Урянхаю много золота. Тоже на Иро у шаманки родился странный мальчик и сказал какое-то предсказание. Шептали про перевоплощение Богдо гегена⁵ монгольского. А другой такой же, какой-то особенный, родился в Китае. Но знатоки не признают ни того, ни другого. Богдо геген никогда ни в Монголии, ни в Китае не рождался, а всегда это происходило в Тибете. На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали в машину камнями. Их называли «охранители». По пути в Маньчжурию из скалы течет в пустыню «минеральное масло». И такие есть магнитные места, что даже машина замедляет ход.

На переломе путей ткуются сложные ковры азиатских узоров. Да и как же без вестей? Этак скоро ни к чему будет в дальний аил поехать и попить чай с крепким наваром рассказов. Но чашку свою берите. Монголия привлекает внимание.

За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира.

«Курумчинские кузнецы». Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов разбиваются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с твердыми датами иногда попадают в совершенно несоответственные, временно установленные периоды. Оленьи камни, керексуры, каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнивать показания совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский: больше, говорит, ничего не надо. Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Требуёт: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали

оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и погудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз похоронят? Откуда это ненасытное стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много ходит поддельных картин под меня. Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р. — один в Ленинграде, а другой в Москве — поработали. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покушку, был огорчен безмерно.

Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Рушица⁶, подписанную моим именем. Неповедимы пути художественных произведений. Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропал «Поход». «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках. Крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев... Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакет умер. Нарастают молодые. Бодро действует Щусев и Щуко. И ходит художница, зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, резные балки и коньки крыш. Точно последний списочек вещей перед дальним путем. И уйдут с крыши резные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? Венский стул и линючий ситец не вводят культуру. Вот молодым-то и задача. Дайте облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона ладил симфонию. Если даже и не удалось, то сама затея была звонка. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрассудков. Вон мастерские палеховские и холуйские иконники важно обновили свою работу. Как красивы их вещи в кустарном музее! Привет Вольтеру⁷.

На Востоке применяют экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но и к группам и как бы к целым местностям. Получается грандиозный опыт применения психической энергии. И все это делается молчаливо и анонимно.

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения — все это анонимно пускается по волнам мира. Книжки, по традиции, приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических изделиях видите иногда марку производства, но не имя. И в этой основной анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых прищельцев, Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все заплатки поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда.

Иоффе пишет об открытии Термена: «Мы видели на экране движение человеческой руки, происходившее в те же моменты времени за стеною в соседней комнате». Наконец-то «чудесное» делается просто «научным». Наконец-то начинают обращаться к реальному изучению всех свойств энергии. Лучевая и волевая энергия с разных сторон осветят возможности ближайшей эволюции.

В личных покоях Далай-ламы поставлено недавно сделанное изображение Будды с пламенным мечом. «Будда Победитель Всепокоряющий».

К Таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как сошлась эта китайская группа? Собрали ли их скитанья Лао-Дзина? Или более старые писания? Или книга утайшанского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя «выдумка» и «магия» перешли в лабораторию исследования. И скептики негодуют лишь в случае их полной необразованности и непросвещенности. Прислушиваемся к шагам нового мира. Видим движения великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают: что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным. Сенсация газеты уже уступила место восклицанию, тревожному с Запада и радостному с Востока.

Луначарский говорит: «Ведь у нас до сих пор еще, несмотря на слова великого Ленина, распространено представление о том, что культура вплоть до возникновения элементов культуры пролетарской сплошь «буржуазна», что она представляет собою опасный яд для всякого правоверного коммуниста и что следует всемерно ограждать таких правоверных не только от «совета нечестивых», т. е. людей старой культуры, но и от всего того, что они произвели. Порой, слушая таких людей, можно подумать, что мы не ученики Маркса, в колоссальной степени владевшего старой культурой и ценившего ее, между прочим, также и в области искусства. Вспомним его отношение к Гомеру, Шекспиру, Бальзану, Гете и Гейне, а ученики какого-то своеобразного Савонароллы, чуть-чуть что не его «Плаксы», боящиеся всякой радости жизни и готовые собрать на площади им. Свердлова большой костер для сожжения «Суеты сует»...

Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы»².

Тибет

(1927—1928)

6 октября. Точно черные пауки на длинных ногах, притаились черные палатки тибетцев на длиннейших веревках. Пограничные разъезды отбирают наш паспорт и предлагают стоять два дня, пока они привезут ответ генерала Хортичаба, т. е. от главного правителя области Хор и главнокомандующего северным фронтом. Какие цветистые названия!

Пестрое знамя с покривившимся навершием. Музыка — барабаны и волынки. Стрельба салюта. В глубине шатра маленькая фигурка генерала в ярко-желтом халате. На круглой китайской шапке крестообразное аккордже из рубинов. Ласковая речь и опять просьба побыть у него в лагере только два дня. Затем генерал провожает нас в наш стан со знаменем и музыкой и с пестрой толпою свиты.

В полной ненужности проходят впечатления приема у Капшепа. Знамя с покривившимся навершием, бутафорский меч, нечистота под драгоценными камнями

ми, вся старая китайщина, от которой сами китайцы уже отказались. Она и не пригодна для жизни и уже потеряла прежнюю декоративность, ибо ушло качество производства. Вся тонкость художества исчезла. Выступила вся неприглядность и убогость. Вероятно, генерал думал, что впечатление от его желтого халата было очень велико. Но даже ближайший его конвой был оборван и украшен пуговицами трех армий, но не тибетской. Там же, где не хватало чужой пуговицы, там с особым успехом красовалась английская булавка. Ружья сомнительной пригодности, но зато множество музыкантов. Барабаны и салютные выстрелы. Генерал со всею разношерстной толпою провожает нас в наш лагерь. Заодно любопытствует посмотреть наши вещи, объявляя, чтобы «руки меньших чинов не касались вещей великих людей».

Генерал Капшепа принял подарок и через два дня скрылся. И вместо обещанного продвижения мы остались на открытой ветрам равнине под присмотром пяти солдат и вечно пьяного майора. Начались тягостные попытки послать письма и телеграммы Далай-ламе, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли и американскому консулу в Калькутту. Но все тщетно. Уверяют, что телеграф разрушен и Лхаса не нуждается более в этом западном изобретении. Вместо помощи майор мешает покупать пищу в соседних аилах, препятствует переговорам с проходившим караваном и безбожно обсчитывает на размене китайских долларов. Доктор пророчествует о грядущих смертельных заболеваниях при крепнущих морозах. Н. В.⁹ предлагает переодетым пробраться в Индию, но без языка и при его росте это кончилось бы печально.

Капшепа будто бы приезжал, чтобы выяснить какие-то волнения среди хорпа. Он будто бы также запрещал охоту на мускусных баранов. Совершенно непонятно, почему можно убивать домашних баранов, яков, но все находящееся в диком состоянии защищено. Впрочем население держится иного мнения и стреляет куланов.

Умирает Чимпа. Он был нам полезен при столкновении с панагами и при решении монголов бросить нас после Нейджи. Но как только Чимпа дошел до Тибета, его природа взяла верх, а при переезде к лагерю Хортичаба он отделился от нас, забрал пять верблюдов, нашу палатку и прервал все отношения. Тибетская благодарность!

Даже тибетец не выдерживает здешнего климата. Это уже третий мертвец в караване. Монгольский лама — от воспаления легких, харчинский лама — от высот. Не чуяли ли мертвеца медведи, когда подбирались к лагерю в ночь его смерти? Но им недолго пришлось ждать: уже утром труп был оставлен им на съедение.

Генерал уехал в Кам, и ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев стояния в летних палатках при морозах свыше 60° Цельсия, при ураганных вихрях на высоте 15 000 ф. Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами, запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. Малонов отек от сердечных припадков и наконец тоже умер. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает.

Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче.

Письмо мое к Далай-ламе найдено на дороге в изорванном виде, а гонец будто бы исчез. Говорят о пропавших гонцах генерала. Схвачены письма к полковнику Бейли, британскому резиденту в Сиккиме, и к генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте. Нельзя идти назад, запрещено двинуться вперед. Возмутительно! Несмотря на знание Юрием тибетского языка, мы можем лишь изучать тибетскую жизнь во всем ее неприкрашенном виде, но помочь своему положению не можем. Тибетцы лгут ежедневно. Рассказывают, что телеграф между Лхасой и Индией уничтожен, ибо теперь Тибет не нуждается в

сношении с «пелингами», что лхасское правительство не принимает во внимание свидетельство доктора о болезнях. Что наш паспорт потерян по дороге, но тут же свидетели опровергают эту выдумку.

Весь народ — эти черные хоры, — как нибелунги, толкуются. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, черными от копоти костров меховыми кафтанами. Шепчут: «Завалили край неслыханные снега. Падут наши яки и бараны. Не будет стаи диких собак (ячменя), умрут наши дети, и мы умрем. А все оттого, что правительство поступает с великими приезжими людьми бесчеловечно».

Гадают ламы, и все у них выходит, что вестник с добрым ответом уже едет, уже завтра прискачет. Но дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми. И закутанные в овчину люди тащат павших за несколько шагов от лагера. Иначе стаи диких собак и грифы-могильщики не дают покоя. Одна стая собак, около пятнадцати, уже пробовала нападать на людей. Весь день оружие остается при нас. Хочет майор купить наше оружие, чтобы лишиться средства всякой защиты. Берегите оружие.

Морозы, вихри, запрещение покупать пищу и сноситься с проходящими караванами. Приходы лживого и пьяного майора. Восстание и отделение наших лам бурят, думавших ложью и клеветой улучшить свое положение.

И так каждый день среди мерзлой равнины с вялыми линиями разложившихся гор. Затем переезд из Чунаргена в Шаруген. Два часа пути и опять тот же плен. Просили пустить нас в ставку Капшепа в Каме — «нельзя». Просили пропустить нас восточным Тибетом — «нельзя». Просили вообще отпустить нас назад — «нельзя». Все нельзя. А в то же время генерал Капшепа пишет нам нелепое письмо о каплях милосердия, упдающих с пресветлых пальцев Далай-ламы. Проходят недели. И вдруг сами губернаторы Нагчу едут.

Неслыханное дело, чтобы сами губернаторы выезжали. Пришли в черных очках, в мохнатых малахаях; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаем значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбаня. Другой — старый манджурист-чиновник, проевший зубы на клязухах. Пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы «упадут капли милосердия» и нам разрешат пройти на Сикким. Конечно, будет избран самый нелепый путь. Конечно, при всяком удобном случае еще задержат, еще потребуют подарки, но все-таки когда-то двинемся. Кто-то из нас надеется, что наш плен ограничится ста днями, но не будет ли правильнее предположить сто пятьдесят дней, да прикиньте еще все задержки по пути. Значит, на задержание положите полгода. Конечно, за это время тибетцы дадут нам необычайный случай знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой. Без сношений с губернаторами, генералом, дзонг¹⁰ ленами, офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение в действительности Тибета.

...Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться в произвол дикого правительства. Неужество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя — ушел из Тибета Таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться. Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетыми: кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо. Среди ужасающей грязи, зловония и падали в Нагчу тибетский чиновник удивленно говорил нам: «Если Нагчу вам кажется грязным, то что сказали бы вы о Лхасе, где даже питьевая вода иногда насыщена отбросами»...

Ни одному сообщению нельзя верить. Все мертво кругом. За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы кочевники шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец губернаторы Нагчу удовлетворились подарками

и после сообщения, что деньги у нас кончились, начали отправлять нас кружным путем через Чантанг на Намру-дзонг, Шендза-дзонг, через непоказанные на картах перевалы в 20 600 ф. высоты, на Сага-дзонг, через Брамапутру, на Тингри-дзонг, на Шекар-дзонг, на Кампа-дзонг и через Сепо-ла на Сикким. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнения в этой стране. Хотя не легкий путь, но от Улан-Батор-Хото до Сиккима никто не проходил.

Непонятно, для чего дзонг-пены (власти) тибетских дзонгов (крепостей) стараются показать себя с самой отвратительной стороны. «Смотрите, мол, какие мы грязные, вонючие, невежественные и лживые». Народ рассказывает о лхасском (девашунге) правительстве мрачные истории. Недовольство и восстания. Требуют всюду приложение нашей печати, ибо не верят приказам своих властей.

Хороши одни лишь развалины старого Тибета. Эти древние башни и стены складывали какие-то иные люди. Строители их знали и о Гэсэр-хане и о владыке Шамбалы. Здесь были и ашрамы¹¹ великих махатм. Но ведь теперь ничего этого нет. Заросший грязью тибетец разве может преисполниться высокими понятиями? Около Тингри-дзонга видели Эверест во всей его сверкающей красоте.

Вспоминаю камни чудских могил на Алтае; там прошли готы, пронизавшие своим влиянием всю Европу. Вот в Трансгималаях мы встречаем такие же древние могилы. Находим места древних святилищ, которые переносят мысль к солнечному культу друидов¹². Мечи северян, жителей Трансгималаев, могут быть вынуты из готской могилы южно-русских степей. Наплечные фибулы готских погребений, разве не напоминают они пряжки тибетских племен? И почему Лхаса когда-то называлась Гота? И откуда название племени готл? Откуда, куда и как двигались, гонимые ледниками и суровыми моренами, прародители готов? Нет ли в застывшем обиходе северян-тибетцев древних черт их ушедших собратьев? Удивительно: один хор-па¹³ напоминает Мольера, другой годился бы для типа д'Артаньяна, третий похож на итальянского корсара, четвертый — с длинными прядями волос — близок портрету Hals'a или Palamedes'a¹⁴, а тот черный и мрачный, с орлиным носом, разве он не палач Филиппа Второго? Не будем бояться сопоставлять то, что ярко бросается в глаза.

«Ки-хохо», — несется клич из стана голоков¹⁵. «Хой-хе», — отвечает наш стан. Так всю ночь предупреждают врагов о недреманной бдительности стана. Но, конечно, голоки уже осведомились о нашем оружии, учли свою боеспособность. Учет сделан в нашу пользу, и сегодня мы увидим дружественный лик опасных кочевников.

Свиреп предрассветный мороз. Конечно, более 70° Цельсия. Утром у доктор замерз коньяк. Сколько же градусов было, чтобы крепкое вино замерзло. Доктор по-прежнему пессимистичен и ждет опасностей. Здоровье Н. В. и П. К.¹⁶ плохо. Очеру предсказана смерть. Хорошо держатся Людмила и Рая¹⁷, или, как тибетцы зовут их, Мила и Рея.

Какие скучные холмы между Чунарженом и Нагчу. Давно разложились горы, и сейчас догнивают кучи щебня и гальки. Ни куста, ни дерева. Только высокие, неприятные коням кочки с усатой, колючей травой. Говорят нам, что, придя к Центральному Тибету, мы будем поражены переменой природы, но другие усмеются (говоря), что до самих Гималаев будем следовать кладбищем разложения гор. Бедные хор-па. Зубы выпадают от цинги. Мускулы дряблы. Сил меньше, чем у тринадцатилетней Раи. Конечно, тощее сырое мясо и горсть грязной кампы не дадут здоровья. И как безмерна подозрительность друг к другу. Не верят никому, боятся, готовы ждать постоянную напасть¹⁸. Монголы, несмотря на дунганских каверзных чиновников, сравнительно с тибетцами свободные люди.

Черная вера бон-по так гармонична с черными палатками. На длинных веревках, как хищные пауки, бесформенно чернеют палатки. Около них черные пятна: или отбросы, или падаль. Сухость воздуха уменьшает зловоние гниения. Прон-

зительный ветер уносит высохшие кости. Вспоминаем широковещательное полномочие Ургинского донньера. Как поразительно отличен Тибет на расстоянии. Толкуют и шепчут о восстаниях...

В стане некоторое волнение. Подходим к Брамипутре. Та самая, которая берет исток из священного Манассаравара — озера великих нагов. Где родилась мудрая Риг-Веда¹⁹, где близок священный Кайлас, куда ходят пилигримы, предчувствуя, на каком великом пути лежат эти места. Уже попадают вереницы пилигримов. С копытами, мрачные и всклокоченные.

Нет, эти ничего не знают. Просто ползают в бездельи по лицу земли. Не грабят ли при случае?

Среди скал и песков, в лиловых и пурпурных тонах залегла Брамипутра. В мае она еще не полна, но разливы берегов показывают, насколько увеличивается река за июнь, когда к таянию снегов прибавятся еще и дожди. К Брамипутре еще большее уважение, чем к Голубой реке. Голубая Янцзы-цзян длиннее, но Брамипутра, сын Браммы, овеяна богатым узором преданий. Она связует священное русло Ганга с Гималаями, а Манассаравар близок и Сетледжу и началу великого Инда. Там же зародилась и Ариаварта²⁰.

...Недалеко от Брамипутры прислонились к скалам Шату-Гомпа пять монастырей. Из них два красной секты и три бон-по, черной веры. Притом монастыри черной веры выглядят гораздо и новее и чище, нежели красной секты. Из окон большого дуканга, красного монастыря, торчит солома, вокруг уныло бродят несколько лам безнадежно запущенного вида. Черноворцы, узнав, что мы сочувствуем буддизму, просят к их монастырям даже не приближаться.

С удивлением рассматриваем шо — единственную ходячую медную монету Тибета. Ни серебра, ни золота ни в дзонгах, ни у народа мы не видели. Хотя на маленьких медяках чеканка плоха, но зато громка надпись: «Правительство победное во всех направлениях». Удивительно, что полу-шо и четверть-шо размерами больше самого шо. Все наоборот?

Вот и переправа через Брамипутру около монастыря Чи-ту. Небольшая лодка — паром с резным коньком на носу. Особенно трудно грузить верблюдов. Течение довольно быстрое.

Тингри-дзонг хотя и называется сильной крепостью, но представляет жалкое игрушечное укрепление, имевшее значение разве до изобретения пороха...

Около Тингри-дзонга показался Эверест во всей его сверкающей красоте.

...Переходы неравномерны. То они кратки, то вдруг идут почти рысью девять часов. Спешим к Кампа-дзонгу. Последний дзонг перед границей Сиккима. Где же замок? Долго не принимаем массив, далеко видный уже, за дзонг. Правда, строение поставлено высоко, сливаясь со скалою. Дзонг-пен приветливее прочих. Кажется, сильно пьет, но все-таки проявляет хоть какую-нибудь деятельность.

Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озеро — место рождения Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непереходным без моста.

Можете себе представить радость всех нас, когда после перевала Сепола, подходя к сиккимскому селению Тангу, мы увидели ароматные кусты балю, кедры, тую, залитые цветами рододендроны и, наконец, настоящую землянику.

В Тангу уже ждал нас дом — дак-бунгалу и даже кем-то забытые журналы 27-го года. Ведь более года мы вообще пробыли без известий из внешнего мира.

Из всех наших верблюдов два перешли Гималаи. Один родом из Балагуна (Сев. Монголия), другой из Цайдама. Они будут первыми, дошедшими до Гантока — столицы Сиккима. Оставим их махарадже Сиккима. По всему пути от Нагчу до Гантока верблюды привлекали толпы любопытных. Ведь этих зверей по всему этому пути вообще не видали. От Лхасы до Калькутты верблюды не водятся.

Сказка водопадов! Целая симфония. Узорчатые струи. Несколько дней идем кнizu. Мимо проходят все пояса растительности. Наконец показались пальмы и около реки прошли два леопарда. Красочные желтые с густыми черно-теплыми пятнами. Все перевидано. И черные с белым ошейником медведи Чантанга, и серны, и аргали, и каменные круторогие бараны, и, наконец, нарядные леопарды, которые дружелюбно приветствовали нас и скрылись...

...Нужно собрать и обработать все собранные материалы. Не скоро удастся все это. Юрий, доктор, Н. В. и П. К. тоже готовят записки. Быстро разлетятся спутники, кто в Италию, кто в Китай, кто в Австралию. Всюду вспомнят неповторенную красоту Гималаев. Пошли от Гималаев.

Наши друзья в Сиккиме рассказывают нам, что зимою еще они слышали, что перед Нагчу стоят сильные отряды русской кавалерии. Такое сведение причиняло много беспокойства. Между тем это была одна из очередных нелепых легенд о нас. За эти годы мне пришлось побывать и французским, и американским королем, и командиром русского корпуса, и королем всех буддистов. Успел два раза умереть. Успел быть одновременно в Америке, в Москве и в Тибете. По словам Бенуа, был закадычным другом Далай-ламы, а по своим запискам — критиком этого правительства. По словам цайдамских монголов, я вел войну с сининским амбанем, а по словам хотанского даотая, привез маленькую пушку, которая в десять минут уничтожит весь Хотан и его сто тысяч жителей. Ко всему привыкли, и никакими «достоверными» слухами удивить нельзя. Монголы твердо запомнили об Амери-хан. Так претворилось американ в какого-то воителя. Из Лхасы нам передавали целые сказки, и мы с трудом находили в них свои признаки...

В Лхасе на улицах запрещено электричество. Запрещен кинематограф. С прошлого года в Тибете запрещено светским людям стричь волосы, носить европейскую обувь и опять приказано носить длинные халаты. Современные формы и обычаи армии названы красными обычаями и запрещены. Так рассказывается самими тибетцами. Значит, и то небольшое, что открывало Тибету путь к обновлению, пресечено и отвергнуто. Значит, опять остается мрак невежества, со всеми суевериями, убийствами, пытками и отравлениями. Этот мрак оправдывается недопустимыми суевериями.

Так, отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущества отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать многие рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищею, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и особенно кольцах. Такие кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть. Такие вещи бывали и непальской работы. Видимо, и там подобные обычаи издавна процветали. Передают, что до сих пор при погребении махараджи старший брамин должен съесть кусок мяса покойного, и за это съевший попадет в верхние сферы неба. Много рассказывается такого, чему даже трудно поверить. Если привести рассказы о способах лечения, то тоже не верится, что сказанное относится к нашему времени. Но тем не менее с пищею надо быть очень осторожными, тем более, что, помимо намеренного отравления, могут быть случаи недоброкачественности. Сушеное мясо может быть несвежим. Зерно перемешано со всякою грязью. Хлеб недопечен. А китайские консервы вследствие долгого пути и плохой упаковки могут быть испорчены. Конечно, одна и та же посуда служит для всевозможных, неожиданных употреблений. Невежество и чистота не уживаются.

Все-таки пройдена прямая дорога от Монголии через Цайдам, Тибет и Гималаи. Сперва тропою Дже-ламы, потом, пересекая в новом направлении Цайдам, через дзонги Тибета, по горным проходам хранилищ снегов. Помог ли нам в пути

паспорт Далай ламы, присланный из Лхасы в Нагчу? Помог ли паспорт, данный «в величественном снежном дворце» губернаторами Нагчу? Конечно, сундук серебряных рупий или китайских долларов помог бы больше. Но зато мы видели, как старшины отказывались признавать приказ Лхасы. Начальники дзонгов просили нас прикладывать нашу печать, а иначе их не послушает народ. Нам предлагали связать непокорных старшин. Нам предлагали немедленно самим ехать в Лхасу и везти с собою арестованного майора. Сами губернаторы предлагали такие самочинные меры. И мы имеем право сказать, как зря избитый солдатами тибетец говорил нам, выплевывая кровь разбитых зубов: «Видите, как обращается девашунг со своим народом».

Есть что-то сужденное в умирании старого Тибета. Колесо закона обернулось. Тайна ушла. Тибету некого охранять, и никто не хранит Тибет. Исключительность положения как хранителя буддизма более не принадлежит Тибету, ибо буддизм, по завету Благословенного²¹, делается мировым достоянием. Глубокому ученику не нужны суеверия. Исканию истины противны предрассудки.

Померк ореол Далай-ламы. Из наместника Будды он сделался отставленным правителем, лишенным почитания. В заключении Норбулинга²² он пишет свое жизнеописание, пишет, как ему приходилось бегать во всех направлениях. Как ему, не признающему иностранцев, приходилось просить иностранные державы о заступничестве. Но, может быть, он пишет о том, что Тибет был и есть покровитель Великобритании и Китая? Ведь границу «тибетских» преувеличений определить невозможно.

Как жаль, что лик Тибета затемнился мрачною действительностью. Но друзья остаются друзьями.

Спросили меня: «Как будете теперь говорить о Тибете?» — «Как всегда, буду возносить свет и поражать тьму. Только правдою исправляются несовершенства».

...Красная тяжелая дверь медленно открывается, мерцающая золотом узоров. В сумраке дуканга величественно уходит ввысь гигантское изображение Майтрейи. В бархатных наслоениях времени начинаете различать на стенах мягкие силуэты обликов. Целый ряд строгих Боддисатв, Держателей, Хранителей... Четко стоят они. Запечатлены твердой рукою. Время придало краскам богатство и смягчило искры золота. Незабываемое впечатление. Воздымающая радость.

Весь сине-белый, точно старого китайского фарфора, вход. Маленькая дверка и высокий порог. Точно старые знамена битвы духа, спускаются с резных баясин ряды танок. Множество картин сияет сложным многообразием. По черному фону мчатся золотые и пурпурные всадники. Золотые нити облаков и строений свиваются в свиток неисчерпаемого воображения. Отшельники укрощают стихии. Учителя совершают путь трудный. Посрамлены темные силы. Толпы народа, и оправданного и грешного, теснятся к тронам Благих. По белым хатыкам (шарфам) путники минуют стремнины жизни. И сам Благословенный Татхагата²³ в кругу избранных архатов посылает благословение приходящим, не убоявшимся великого пути. Не забудем этот ковчег драгоценных знамен. Исполнимся крепостью битвы.

И еще резной вход. Над широкими ступенями мощно стоят Дармараджи — Владыки Всех Стран. Охраняют врата к Великой Матери Сущего. Многоокая, Всезнающая Дуккар, окруженная светлыми Тарами — самоотверженные хранительницы человечества. Еще не всюду успело подернуться благородным покровом времени золото, но сырость стен уже плетет свой узор. Высоко над Тарами Мандала²⁴ Шамбалы. Неустанный Владыка Ригден бодрствует на башне, в священном круге снеговых гор. Столпилось воинство. Не забудем эти великие символы.

Горные проходы. Уже близки снега. На древнем пути огромное изображение Майтрейи, изваянное на скале, посылает странствующим свое благословение. Не обычной рукою превращена поверхность скалы в монументальный, великий облик. Мощь руки и неутомимость труда подвигли человеческие силы к такому созданию на пустынном теперь пути. Ведь все это велико и многозначительно замыслом, и убедительно формами, и увлекательно мастерским убором. Большое искусство.

Черные с золотом знамена китайского происхождения. Характер рисунка и сочинения нескрываемо напоминает Китай. Дуккар и Тары — Матерь Кали великой Индии и Благая Куанин седого Китая пришли в тибетский дуканг издалека. Майтрея напомнил вам Бодхи Гайю Индии. Лик Благословенного устремил вас к Сарнату. Вам указывают на индусское происхождение изображения. Великого Майтрею на скале в VI или в VII веке ваяла рука, знавшая формы великой Индии. Вы вспоминаете технику Тримурти Элефанты. Вы переноситесь к скульптурам Мадуры, к фрескам Аджанты, в сказку Эллары²⁵, в величественные развалины Анарад-хапуры и в живописные нагромождения Рангуна и Мандалая.

То, что вы видите в тибетских храмах, неизбежно вызывает в вас воспоминания о виденном в Индии или в Китае. Течение водопада напоминает вам о его истоках.

Четыре года хождений по буддийским землям наслоили многие впечатления. От незабываемой сказки пещерных храмов Центральной Азии до десяти тысяч Будд, недавно заказанных буддистами литейной мастерской в Польше, точно Восток уже настолько оскудел. От бедного степного монастыря в переносной юрте до картины Шамбалы за спиною странствующего ламы. Все видели.

Конечно, всюду потрясало различие между качеством древних и современных изображений. Мощный замысел древних храмов, их размеры и соотношения. Прекрасно избранные места и щедрое богатство выполнения говорят нам о совершенно ином духовно-творческом состоянии их создателей. Тесные размеры, случайное местоположение, непрочность постройки и убогость украшения делают новейшие тибетские храмы неубедительными. И сами тибетцы подчеркнут вам о преимуществах старинной работы, о значительности места ввиду его древности. И это не будет миражем древности. Просто будет действительностью, очевидностью различия качества творчества.

Конечно, время с его неподражаемыми наслоениями все украшает. Представим себе, насколько облагорожены временем примитивы Италии, Испании, Нидерландов. Персидские торговцы расстилают ковры под ноги базарной толпы для ценности патины. Итак, отнесем многое из привлекательности старого Тибета также за счет времени.

Кроме того, совершенно ясно, что мастерство прежних художников Тибета было и тоньше и острее. Их духовное устремление давало им порывы, которые выходили далеко за границы официального канона. Великий Далай-лама V, давший Поталу — единственное здание Тибета, умел укреплять нерв жизни. Также и некоторые Таши-ламы умели привлекать дарования. Теперь же, когда в Тибете укоренились невежество, лицемерие, подозрительность и ложь, то эти свойства прежде всего отразились на качестве творчества и труда.

Замечательно наблюдать, как внутренние стимулы жизни вырабатывают качество производства и зажигают или тушат огонь творчества и всего производства народа. Можно писать историю народа по памятникам творчества и производств. Сейчас, после отъезда Таши-ламы, Тибет очень темен общественно и духовно. Также условно ограниченны и механически холодны проявления его искусства. Эта холодная условность не увлекает зрителя и вызывает сомнения о существовании самого тибетского искусства.

Даже первые изображения Будды Тибет получил только в VII веке от Китая и от Непала, т. е. от индусских традиций. До этого времени тибетцы, которых китайские хроники называют диким народом, вероятно, были в состоянии племен хор-па или мишимы. Эти племена до сих пор питаются сырым мясом и носят бесшвенную одну одежду, пока она не истлеет на теле. Вся литература Учения Будды пришла из Индии и Китая. Указывается, что тибетские переводы с санскрита вследствие бедности выражений тибетского языка сделаны условно и не передают многих утонченных понятий, выросших из Вед.

Дикость Тибета, конечно, восприняла дословно и всю изобразительную сторону Учения, принесенного от культурных соседей Индии и Китая. И религиозная обрядность и робость собственного воображения удержала Тибет в границах чужого понимания. Присматриваясь к всевозможным проявлениям ламаистского и

народного творчества, видим даже в его лучших проявлениях лишь заимствование форм Индии или следование ритуализму Китая. Если к этим условиям еще прибавить персидско-могульскую миниатюру, то вся триада воздействий на искусство Тибета будет очерчена. Кто назовет что-либо, что можно назвать вполне тибетским созданием?

Соображая все заимствования и подражания Тибета, невозможно говорить о тибетском стиле или тибетском искусстве. Правильнее говорить об искусстве в Тибете. Затруднительно припомнить архитектурные, ваятельные или живописные памятники, которые не являлись бы огрубелыми отображениями утонченных находений Индии и Китая.

Не забудем также техническое влияние Непала на Тибет. Сам Непал не отличился, но хорошие непальские литейщики и чеканщики издавна вносили в Тибет своеобразные приемы техники.

Передо мною два отличных изображения старого Тибета. Будда, в котором бросаются в глаза индусский тип и индусское влияние. Другое — очень тонкой работы изображение Далай-ламы V, справедливо названного Великим. Это изображение напоминает китайскую работу и, вероятно, идет из Дерге. Теперь такого совершенства изображений в Тибете не делают.

Современное искусство в Тибете стало окончательно застывшим механическим переложением чужих форм. Традиция острой техники отошла, заменяясь дряблой линией и детским раскрашиванием. Краски третьего сорта, проникающие в Тибет, способствуют падению качества работы. А что же представляет условная копия без сильного духа и без крепкой техники? Если кто-то придет к заключению, что искусства сейчас в Тибете нет, то он будет близок к действительности.

Трафарет дошел до такой механизации, что почти все изображения переводятся по пунктирным переводам — припорашиваются. Все же сделанное от руки оказывается детски беспомощным. Если лишите ламу-иконописца его приготовленных проколотых трафаретов, то он останется почти беспомощным. В технических традициях любопытно проследить те же самые приемы, которые характерны для средневекового иконописания, применявшиеся до недавнего времени профессиональными иконописцами в России.

Следя за работой лам-иконописцев, я узнавал способы работы, совершенно подобные русским кустарным иконописцам. Так же готовится доска или полотно. Так же готовится левкас, т. е. гипс на клею для грунтовки. Так же приготовленная доска или полотно выглаживается раковинной или полируется рогом. Переводится трафарет и раскрашивается очень тонкими кистями. Разница лишь в том, что русские иконописцы покрывали икону олифой. Они очень берегут состав этого лака и гордятся прочностью работы. Тибетские же иконописатели не проявляют заботы о лучшем качестве работы. У русских иконописцев часто имеются рукописные наставления об иконной технике, иногда написанные условным символическим языком — «тарабарщина». Такие рукописи хранятся в роде и передаются от отца к сыну. О таких руководствах в Тибете не слышал. Еще одно сходство между тибетскими и русскими иконописцами. И те и другие поют за работою священные стихиры. И часто русские иконописцы поют старинный стихир про Иосафат-царевича, не подозревая, что они поют про Благословенного Будду. Иосафат — испорченное Боддисатв.

Еще одно обстоятельство указывает на ближайшее влияние Китая на искусство Тибета. Лучшие тибетские иконописцы происходят из Кама, лучшие изображения отливаются в Дерге, там же и лучшая печатня. Сами тибетцы говорят, что они не в состоянии достигнуть совершенства китайской работы. У махараджи Сиккима есть серия очень колоритных танок явно китайского достоинства — конечно, эта серия идет из Кама. Также встречались хорошие работы в Таши-Лунпо, как и подобает резиденции духовного главы Тибета. При всей своей заносчивости и хвастливости, тибетцы не превозносят лхасскую работу. Место тридцати тысяч лам не является средоточием духовных и творческих достижений.

Можно находить много трогательных подробностей иконописной работы. Можно умиленно улыбаться ограниченности лам-иконописцев. Можно жалеть тибетский народ, которому при нынешнем лхасском правительстве живется очень тяжело. Но если попытаетесь предъявить Тибету серьезные требования, то все ваши соображения просто будут недоступны в силу пониженного, забытого интеллекта.

Остается интерес за символические изображения. Наблюдать ее очень поучительно. В ней можно находить многие забытые законы. Обратите внимание на изображения аур, на магические зеркала, на смысл кругов мандалы, на норбу — римпоче²⁶. Но ведь современные изображатели об этих законах не знают. Калачакра²⁷, привезенная из Индии Аттишей²⁸, твердится без приложения к жизни. Законами основ не живут. Знак жизни превращен в танец смерти.

Невежество, лицемерное извращение Учения не может продолжаться далее. Они разлагают дух народа. Из тьмы идет лишь тьма.

Но «все павшее еще не поднялось». В будущем будет и новый тибетский народ, и тибетское знание, и тибетское искусство.

«Огнем насыщено пространство. Уже бороздит небосклон зарницы Калки Аватара — сужденного Майтрейи».

Но сейчас не замечается признаков возрождения Тибета. Странно видеть это очоление целой страны — точно мертвый остров среди сияющих волн разбуженного океана. В истории человечества бывали моменты, когда после войн, после катастроф сознание бодро пробуждалось. Целые яркие эпохи создавались этими взрывами духовных накоплений. Но кто-то остается недвижимым, пожирая сырое мясо, теряя в цинге зубы от нездоровой жизни и истлевая в бесменных шкурах, полных паразитами.

В Тибете опять запрещено светским людям стричь волосы и приказано опять облечься в длинные халаты и тибето-китайскую обувь. Все эти признаки, конечно, не заветаны Благословенным Буддой. Каждое учение предусматривает овладение возможностями и движение вперед. Эти запрещения показывают какое-то механическое поклонение старине. Но спросим: «Какой старине поклоняетесь?» «Которого именно деда желаете почитать?» В ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцев? Хороша старина, пока она не мешает будущему. Любим и бережем всю ценность и прелесть старины. Повторяем: «Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего». Из камней сложите целые величественные ступени новых красот и знания. Но что же должно быть, если допущена смерть прошлого и запрещено будущее? Тогда творческая энергия народа оказывается забитой в тупик и невозможно предвидеть, где поток жизни прорвет насильственные плотины.

Тибет присваивал себе духовное преимущество над соседями своими. Между тем все они уже растут великим сознанием. Вспоминает свое славное прошлое Монголия, кипит водоворот столкновений мысли Китая. В Индии видны знаки возрождения искусства и знания. Один Тибет опять отстал, а затем опять примет чьи-то готовые, выстраданные формы.

Откуда теперь примет учение Тибет? Впрочем, ночью в шатер приходит лама и, оглядываясь, толкует об обновлении всего учения. Такие ламы не живут в Лхасе; они живут на высотах.

Из пустынной дали скачет всадник. Несет предупреждение от неизвестных друзей. Сказал. Оправил золототканый кафтан и потонул в дымке пустыни. Откуда ты, вестник? Откуда улыбка твоя?

КОММЕНТАРИИ К ПУБЛИКАЦИИ ОТРЫВКОВ ИЗ КНИГИ Н. К. РЕРИХА «АЛТАЙ — ГИМАЛАИ»

1. Кам. Шаман.
2. Беловодье. Легендарная страна. По преданию алтайских раскольников, обитель старой веры.
3. Американская Ара. «American Relief Administration» (Американская администрация помощи). Была создана в 1919 г. в США и возглавлялась Г. Гувером. Официально имела целью оказание продовольственной и иной помощи странам, пострадавшим в первой мировой войне. Из-за использования империалистическими кругами этой организации в своих целях ее деятельность в РСФСР была прекращена в 1923 г.
4. Пантелей-Целитель, Пантелеймон. Известный врачеватель III—IV вв. Оказывал народу широкую безвозмездную помощь. Особенно чтим на Востоке. В Третьковской галерее хранится картина Н. К. Рериха «Пантелей-Целитель».
5. Богдо геген. Теократический правитель в старой Монголии.
6. Руциц Фердинанд (1870—1936). Литовский художник, учился вместе с Н. К. Рерихом у А. И. Куинджи.
7. Вольтер Алексей Александрович (1889—1973). Советский художник, ученик Н. К. Рериха в школе Общества поощрения художеств.
8. Здесь Н. К. Рерих вспоминает свою беседу с А. В. Луначарским.
9. Н. В. Кардашевский. Один из участников экспедиции.
10. Дзонг. Крепость, резиденция правителя.
11. Ашрам. Духовная школа, обитель.
12. Друиды. Жреческое сословие в дохристианской религии у кельтских народов и саксов в Галлии и на Британских островах.
13. Хоры, или хор-па. Одно из тибетских племен.
14. Паламедес-Стевартс. Фамилия трех голландских живописцев. Н. К. Рерих, очевидно, подразумевает Антониса Паламедеса (1601—1672), писавшего сцены из быта и портреты.
15. Голоки. Одно из тибетских племен.
16. Н. В. и П. К. Участники экспедиции Кардашевский и Портнягин.
17. Людмила и Рая. Сестры Богдановы, Людмила Михайловна и Ираида Михайловна, с 1927 года связавшие свою жизнь с семьей Рерихов. Спустя тридцать лет, в 1957 г., вместе с Ю. Н. Рерихом вернулись из Индии в СССР.
18. Все описанные выше злоключения, выпавшие на долю участников экспедиции Н. К. Рериха, как выяснилось совсем недавно, были инспирированы английскими колониальными властями, не пожелавшими пропускать Рерихов в Индию из-за просоветских взглядов и посещения СССР (см., например, «Soviet Land» 1972, № 14—15 статья Л. В. Митрохина «Преступление в Гималаях»).
19. Риг-Веда. Древнейшая из вед. Состоит из 1028 гимнов.
20. Ариаварта (санскр.). Страна ариев.
21. Благословенный. Так Н. К. Рерих согласно восточным обычаям, называет Будду. Следует отметить, что только благодаря великодушному пониманию местной психологии, культуры и языков Рерихам удалось преодолеть все, казалось бы, непреодолимые трудности.
22. Норбулинг. Летний дворец далай-ламы в Лхасе.
23. Татхагата («Следующий сути мира»). Так называли Будду.
24. Мандала (санскр.). Жертвенное круглое металлическое блюдо с изображением символической горы Сумеру.
25. Эллора. Знаменитый комплекс из 33 пещерных храмов и монастырей (около 450—800 гг.).
26. Римпоче. «Великая драгоценность».
27. Калачакра. Одно из учений ламаизма.
28. Аттиша. Реформатор тибетского буддизма, происходивший из Индии (982—1054).

Комментарии доктора искусствоведения,
лауреата премии имени Джавахарлала Неру
С. И. ТЮЛЯЕВА

Публикация И. М. БОГДАНОВОЙ-РЕРИХ